
Voprosy



filosofii i psikhologii

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2018. 5(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Lebedev Sergey – Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation (Editor in Chief)

Lazarev Feliks – Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Granin Yurii – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Gubin Valerij – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ilin Viktor – Russian State Agrarian University, Moscow, Russian Federation

Fedorov Aleksandr – Rostov State University of Economics, Taganrog, Russian Federation

Lazarev Feliks – Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Mainzer Klaus – Technical University of Munich, Munich, Germany

Mamedov Nizami – Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, Moscow, Russian Federation

Maslin Mikhail – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Miloshevich Zoran – Institute for Policy Studies, Belgrade, Serbia

Muskhelishvili Nikolai – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ostrenkova Margarita – Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov, Moscow, Russian Federation

Saulius Tomas – Lietuvos sporto universitetas, Lithuania

Shapovalov Viktor – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shioshvili Irma – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

Volodarskaya Elena – S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef, OAJI, MIAR**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak Republic, 831 04

Release date 20.03.2018
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal20.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № VFIP-12.

Voprosy filosofii i psikhologii

2018

Is.

1

© Voprosy filosofii i psikhologii, 2018

C O N T E N T S

Articles and Statements

Kandinsky: Philosophy of Eternal Artistry of the Person F.I. Girenok	3
Globalization and its Historical Forms. Social and Philosophical Interpretation Y.D. Granin	12
The Problem of Scientific Method in the First Positivism S.A. Lebedev	24
Metaphysical Painting of Giorgio de Chirico and F. Nietzsche's Philosophy N.N. Rostova	37
Psychological Characteristics of Pedagogical Activity of Scientists E.A. Volodarskaya	46

Reviews

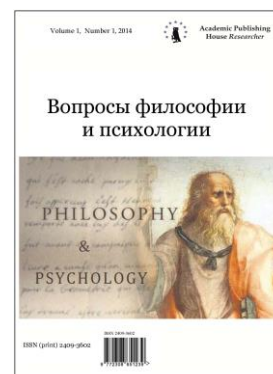
S. Lebedev. Brief dictionary on the methodology of scientific knowledge: teaching and methodological manual. Moscow: MGTU N.E. Bauman. 2017. 99 p. N.N. Gubanov, N.I. Gubanov	51
--	----

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2018, 5(1): 3-11

DOI: 10.13187/vfp.2018.1.3
www.ejournal20.com



Articles and Statements

Kandinsky: Philosophy of Eternal Artistry of the Person

Fedor I. Girenok ^{a, *}

^a Lomonosov Moscow state university, Russian Federation

Abstract

In article the philosophy of painting of Wassily Kandinsky is investigated. The author carries out the comparative analysis of the American school of vanguard and the Russian school of vanguard. The vanguard, according to the author of article, is refusal of the artist of a subject in art. It forbids to learn and be surprised. In the author's opinion articles, Kandinsky makes Copernican revolution in art. He pays attention not to subjects which surround it, and on prototypes which are possessed by his soul. Kandinsky differs from the American abstract artists in that he erases border between art and philosophy. Whereas the American abstractionism erases border between art and not-art. The American school of vanguard understands art as action. The Russian school of vanguard understands art as philosophy. Kandinsky, answering a question "That there is an art?", becomes the philosopher. In research the idea that art is continuously lasting movement of the artist to a prelanguage condition of the person is introduced. The philosophy of the Russian vanguard recognizes that the person is involved eternal artistry, and his soul is as Kandinsky speaks, the shining point in geometry of a black circle.

Keywords: vanguard, abstract painting, V. Kandinsky, J. Pollock, nonclassical esthetics, art, person, M. Duchamp, K. Greenberg, creativity.

В 1866 году в Москве родился русский художник В. Кандинский, выпускник кафедры политической экономии и статистики МГУ. Кандинский знаменит абстрактным искусством и, прежде всего, своими композициями.

Сток сена

Кандинский с детства любил живопись: картину Репина «Не ждали», «Весло» Левитана, «Христа» Поленова. В 1896 году Кандинский побывал на выставке французских импрессионистов. Его поразила картина Клода Моне «Сток сена в Живерни». В «Ступенях» Кандинский написал об этом так: «Мне казалось, что без каталога не догадаться, что это сток сена. Эта неясность была мне неприятна: мне казалось, что художник не вправе писать так неясно» (Кандинский, 1913).

Действительно, с реалистической точки зрения, название картины не соответствовало ее содержанию. Почему бы не назвать картину Моне не «Сток сена», а «Маки» или

* Corresponding author
E-mail addresses: girenok@list.ru (F.I. Girenok)

«Деревенский пейзаж». Моне не выбирал слова. Он пытался поймать мгновение и зафиксировать его красками. В этих попытках рождались серии изображений одного и того же предмета в разные моменты его жизни.

Композиция «Стога» состоит в движении глаза от темной части картины к светлой. Что это значит? Это значит, что темное, мрачное позади. Впереди нас ожидает радость света, чем дальше, тем ближе к источнику, тем лучше для человека. В конце концов, все у нас еще только начинается. В этой картине предмет важен не сам по себе, а для изображения света. В ней главным является не предмет, а цвет. Мы видим стог сена, но не видим сена. Мы видим сено только внутренним зрением. Мы видим движение маков, но не видим сами маки. Сами маки – это наше сновидение наяву. Мы видим цветущее поле, но не видим цветы. Эти цветы мы, зрители, учреждаем своим уже сознанием. Нам ясно видна полоска леса, но не видны сами деревья.

Кандинский, увидев картину Моне, решил учиться живописи. Он, как Ван Гог или Гоген, бросил все и неожиданно для всех стал заниматься искусством уже в зрелые годы. Ему 30 лет, он юрист, экономист. Его интересуют вопросы труда и заработной платы. В дерптском университете ему предлагают должность профессора. Он выбирает другое и едет в Германию, в Мюнхен.

Абстрактная живопись

Однажды в сумерках в своей мастерской Кандинский увидел неописуемо прекрасную картину. Он подошел к ней, посмотрел. Это была его картина. На ней не было ничего внешнего, но она была пропитана каким-то внутренним горением. В тот момент он выбрал для себя внутреннее горение без внешнего эффекта. Кандинский выбрал идею абстрактной живописи.

Что мы видим, когда смотрим на композиции В. Кандинского? Ничего. Почему? Потому что они беспредметны. Но значит ли это, что мы видим потому, что есть предметы? Нет, мы видим не потому, что есть предметы, и не потому, что у нас есть глаза. Мы видим потому, что у нас есть свет внутри. Мы обладаем способностью видеть сны даже тогда, когда мы бодрствуем. Мы видим даже тогда, когда ослепнем.

Человек либо ничего не видит, либо не все. Если он видит мир, то он не видит себя. Если он видит себя, то он не видит мир. Когда мы смотрим на мир, то мы видим предметы. Тех, кто смотрит на мир, принято называть реалистами. Но чтобы видеть предметы, даже реалистам уже нужно уметь видеть. И это умение видеть не зависит от предметов. А от чего оно зависит? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, куда смотрит художник: на мир, на себя или никуда не смотрит. Если художник выбирает нулевую точку поворота и никуда не смотрит, как бы зависая между собой и миром, то он видит только цвет. Когда он смотрит на себя, он видит внутренний мир. Художники, как сказал однажды Шенберг, пишут картины, а не то, что они изображают, хотя они может быть что-то и изображают. Писать картину – значит смотреть на себя, то есть быть немного аутистом. Но смотреть на себя – это не значит писать автопортрет. В автопортрете художник помещает себя в мир и смотрит на себя как на предмет, то есть смотрит на себя со стороны Другого. Смотреть на себя – значит видеть то, чем мы видим. Видеть то, чем мы видим, значит галлюцинировать. Видеть собственные галлюцинации вне себя – значит быть художником – авангардистом, то есть авангард пытается вынести свое внутреннее видение вовне. Авангардное искусство, абстрактная живопись совершают рефлексивный поворот от предмета к тем средствам, которыми этот предмет учреждается, от мимезиса – к тому, что человек знает о предметах до встречи с ними.

Искусство – дитя мистерии

Ребенок видит раньше, чем он откроет глаза. Он видит закрытыми глазами, то есть грезит. Внутреннее зрение всегда предваряет внешнее. Сначала мы грезим, затем мы видим какие-то вещи. В мире нет никаких точек, линий и плоскостей. В мире есть силы и тела. Точка – это видение точки. Линия – это пригрезившаяся линия. Человеческое бытие начинается с неразличности внутреннего и внешнего, со сновидения, которое сбывается. Их различность – это не физический акт. Она является результатом мистериального действия, в котором не видят то, что есть, и видят то, чего нет. Искусство –

незаконнорожденное дитя сокрытой истины, мистерии. В абстрактной живописи нет ничего такого, чтобы не знали дети, невротики и первобытные художники. Пикассо, побывавший в пещере Ласко, признался, что за 17 тысяч лет художники ничего нового не изобрели. В палеолите искажали пропорции для правильного восприятия зрителем, составляли фигуру бизона из сотен точек, а в колодце пещеры нашли картину из комбинации фигуративной и не фигуративной живописи.

Видеть – значит уже понимать. Человек сначала видит и понимает, а затем уже говорит. Зрение, по замечанию Бергера, первично по отношению к речи. Абстрактная живопись предназначена не языку, а доречевому видению. То, что мы видим, не совпадает с тем, о чем мы говорим. Язык и сознание имеют разное происхождение. Точно так же то, что человек понимает, не совпадает с тем, что он знает, ибо знают внешнее, а понимают внутреннее. То, что человек видит, не совпадает с тем, что ему говорят и, следовательно, с тем, что он знает. Мы видим, что солнце всходит и заходит, и знаем, что земля вращается вокруг солнца.

То, во что человек верит, влияет на то, что человек видит. Люди видят лешего, если верят, что он есть. Если они ни во что не верят, то они ничего не видят, кроме холста и краски на нем. Искусство не самоочевидно, – заявил Адорно (Адорно, 2001). Но не потому, что оно перестало быть чудом. А потому, что оно развернулось к субъективному.

Авангард и китч

Кандинский авангардист. Но что такое авангард? Об этом рассуждал Гринберг – русский еврей, эмигрировавший в Америку. В 1939 году он написал статью под названием «Авангард и китч» (Гринберг, 2005). Главный герой его статьи русский крестьянин.

Основная идея Гринберга состоит в том, что он полагает некую единую культуру, которая порождает, с одной стороны, искусство Брака, а с другой, – обложку какого-нибудь популярного журнала. Его ошибка заключается в том, что он не различает искусство и культуру. Искусство определяет первый шаг человека, и этому шагу не предшествует запаздывание второго шага. Культура – это воспроизведение содержания искусства на запаздывающем материале второго шага человека. Например, Есенин и Высоцкий. Оба поэты. Но Есенин – это поэзия, искусство, а Высоцкий – это культура, гитара и магнитофон. Живопись Брака – это искусство, а обложка журнала – культура.

Для Гринберга рождение авангарда совпало в Европе с прорывом революционной мысли в науке. То есть типологически Кандинский в искусстве является тем же самым, что и Эйнштейн в науке. Но тогда нужно продолжить типологию и признать, что Кандинский в искусстве, Эйнштейн в науке – это то же самое, что Ленин в политике. Если мы принимаем авангард в искусстве, то нам нужно принять его и в политике.

Гринберг полагает, что богема – это среда, в которой растет авангард. Но Кандинский вырос в МГУ. Значит ли это, что МГУ – это богема? Для Гринберга искусство социально. На самом деле искусство асоциально. Если художник отказывается изображать предмет, то не потому, что его внимание сдвигается от предмета к методу, к рефлексии над действием, над средствами и приемами. Гринберг не заметил коперниканского переворота в искусстве. Авангард отвернулся от предмета не для того, чтобы застрять в рефлексии, а для того, чтобы рассмотреть внутренний свет, первообразы. А первообраз – это не образ, а порождающая причина всех человеческих видений. Авангард совершил поворот к субъективности, которой рождается идея объективности.

Абстрактное не исчерпывается словами «неизобразительное» и нефигуративное. Воображать не значит изображать. Это значит учреждать существование. Гринберг увидел в авангарде имитацию имитации. Но Кандинский не имитировал, а всматривался в то, что в нем само себя показывало. Гринберг не заметил приближения художника к пределу искусства и поиску ответа на вопрос «что есть искусство само по себе?». Он, как марксист, полагал, что искусство стало тем, чем является, в силу некоей социальной выгоды. Говоря прямо, художник нуждается в деньгах. А общество этим пользуется. Деньги авангардистам давали социальные элиты. Но элите нравится эпатаж. Его можно продать. Ей не очень нравится философствование авангарда, не нравится сама мысль об искусстве ради искусства. И поддержка авангардного искусства, как пронизательно заметил Гринберг, уже к концу

тридцатых годов XX века сузилась. Пока элита поддерживала авангард, его поддерживали и массы. Когда элита отвернулась от авангарда, тогда и массы отвернулись от него.

«Там, где есть авангард, там есть и арьергард», – говорит Гринберг. Арьергардом является на его взгляд, китч, то есть искусство для жителей городов, для коммерческого успеха. А где же деревня? Куда делись крестьяне? Марксисты не знают, что делать с деревней. Они не любят крестьян. Гринберг полагает, что просвещение сделало свое дело. Нет больше невежественных крестьян. Все научились читать и писать. Все устремились в город. Крестьяне, захватив город, оказались между тем не на уровне вещей, окруживших их в городе. Народная культура перестала существовать. И масса требует, чтобы ей тоже дали что-нибудь из искусства. И ей дают. Что ей дают? То, что не требует досуга, не требует времени для осмысления. Ей дают китч. Где Гринберг видел китч? В советской России. У нас это, по его словам, доминирующая культура. Репин для него – представитель академического китча в русской живописи. А поскольку вся русская живопись реалистическая, постольку вся она относится к китчу.

Крестьяне выбирают Репина, а не Пикассо. Они поддерживают социалистический реализм, а не формализм. Смотреть Репина можно не думая, следуя аристотелевскому принципу искусству как узнавания. А смотреть Пикассо нужно, интерпретируя увиденное. Крестьянину же это не по силам. Более того, если крестьянину предложат на выбор Репина и обложку американского журнала, то он скорее выберет обложку. Альтернатива Пикассо – не Микеланджело, а китч, – делает вывод Гринберг.

Вершина авангардного искусства

К. Гринберг полагал, что вершина авангардного искусства находится в США, а вершина классического искусства в Европе. Но классическое искусство к концу XIX века оказалось в кризисе. Суть этого кризиса состояла в том, что искусство опиралось, с одной стороны, на духовное, а с другой – на материальное. И художники пытались найти эстетическую форму, которая бы удерживала обе эти субстанции в некотором равновесии. Но после Ренессанса началась десакрализация искусства, и художнику нужно было либо остановиться, либо прыгать далее на одной ноге, придерживаясь материализма и психологизма. Искусство попыталось найти новую форму своей жизни. Вот эту-то новую форму и нашел авангард в Америке. Американцы решили поделиться этой формой с Европой.

Прежде всего, всякое искусство, следуя авангарду, должно было решить, что в нем есть такое, без чего оно не может быть. Живопись, конечно, сразу же отказалась от литературы под тем предлогом, что картина – это не иллюстрация к тексту. Литератор действует словом, а художник действует цветом и формой. Всякая картина существует как картина вне связи с тем, что на ней изображено. Лошадь, которая изображена на картине, не имеет к ней никакого отношения. Самые отчаянные американские экспериментаторы в искусстве решили, что и у художника такое же отношение к картине, что и у лошади. Эти экспериментаторы жили в США. Одного звали Поллоком, другого – Ротко, а третьего – Дюшан. Вот эти люди, по мнению Гринберга, и создали настоящее авангардное абстрактное искусство, которое не отсылает к миру, к реальности, а отсылает только к самому себе и в этом смысле является автономным.

Дюшан осуществил мысль Гегеля о том, что, поскольку искусство вступило в полосу своего заката, постольку оно должно исчезнуть. Он стер границу между искусством и неискусством. И выставил на всеобщее обозрение писсуар как свое произведение. Каждый теперь может быть художником. Все стало искусством.

Поллок сначала помогал мексиканскому социалистическому реалисту Сикейросу, потом он после запоя попал в психбольницу, где перенес свои кошмарные видения на бумагу. В конце концов, он изобрел дриппинг – разбрызгивание краски на холсте. Главное в его живописи, по словам Розенберга, – случай. Некоторый выставки Поллока спонсировало, видимо, ЦРУ. Впоследствии одна из таинственных картин Поллока под названием «№5» была продана на аукционе за 140 млн долларов. Ротко с картинами из двух и трех монотонных полос возили в Европу, чтобы показать европейцам метафизическую глубину американского искусства.

Гринберг, как исторический материалист, не понял абстрактную живопись. Он думал, что все дело в исторических обстоятельствах, в классовой расстановке сил. Что на самом деле в абстрактной живописи мы видим краски на холсте, что искусство – это непосредственное восприятие, голая чувственность. Но дело не в том, что мы видим видимое, а в том, что мы видим невидимое. Ведь искусство – это остывающее мистериальное действие, связывающее нас с первоначальным взрывом галлюцинаций. Для изображения видимого краски являются непозволительной роскошью. Взгляд первобытного художника открыл нам плоскость и форму. Нарисованный им бизон – это не бизон, а радость локализации изображения объемного трехмерного предмета на двухмерной плоскости, то есть полагание предмета и одновременно полагание сознания, воспринимающего предмет в качестве предмета.

Теоретики абстрактной живописи Гринберг и Розенберг полагали, что абстрактная живопись насквозь демократична и уже сама по себе дышит свободой, что, как они думали, является ее достоинством и преимуществом по отношению к классическому искусству. И одновременно они сделали абстрактное искусство идеологическим орудием в борьбе с Европой и особенно с Россией. Америка хотела доказать, что у нее есть настоящее искусство, а не какие-нибудь ремейки европейской культуры. И им это удалось сделать. Но на самом деле абстрактное искусство не имеет никакого отношения ни к демократии, ни к либерализму. Оно имеет отношение к музыке.

Музыка

Человек, по словам Кандинского, сначала видит цвет в себе самом, а затем уже он видит его на художественной выставке или в природе. Сначала звучит музыка в душе, а потом уже она звучит в консерватории. И проблема состоит в том, чтобы выяснить: не убивает ли художник тот цвет, который человек видит внутри себя, равно как не убивает ли музыка композитора ту музыку, которая уже звучит в нашей душе. Тайна искусства состоит в том, что оно заставляет нас видеть наши видения, узнавать их, слышать наши внутренние звуки. Эту синергию Кандинский назвал вечной художественностью в человеке.

Музыка – это пример для подражания авангардной живописи. Живопись как музыка. Она не информирует. Она воздействует на человека непосредственно. Сами по себе звуки – это не музыка. Музыка начинается с самоаффектации человека, который слышит звуки собственного голоса. Но слышать собственный голос – это, говорит Деррида, и есть сознание (Деррида, 2000), то есть тождество галлюцинирующего звука и самораскрывающейся в галлюцинации линии, тождество музыки и живописи. Если человек – это чистое самовозбуждение, то это возбуждение принимает временную форму, которое не ищет вне себя никакой материи выражения. Человек бытийствует, исполняя свое бытие как музыкальное произведение. Поэтому каждый человек находит свой ритм, свое звучание, свою мелодию. Ибо ты есть неведомая в мире музыка, которая адресована сознанию, а не уму. И абстрактная живопись Кандинского тому подтверждение. Смотреть композиции Кандинского можно, слушая Шенберга.

Композиции

«Самое слово «композиция», – писал в своих воспоминаниях Кандинский, – вызывало во мне внутреннюю вибрацию. Я поставил себе целью моей жизни написать «Композицию»» (Кандинский, 1913). Однажды Кандинский заболел и в жару тифа ему ясно привиделась целая картина, которая, когда он выздоровел, рассыпалась на мелкие детали. Через несколько лет ему все же удалось выразить свое видение в «Композиции №2». Композиция звучала для художника как молитва, как вихрь цветowych пятен и линий, в котором выражались его чувства.

Кандинский – не был мальчиком-вундеркиндом с аутистической способностью к вычислениям. Его ранние работы восхитительны. Многим до сих пор нравится его «Певница» и «Прощай». Но Кандинский не художник, а мыслитель. Это, конечно, не Соловьев и не Флоренский. Кандинский не мыслит понятиями и не мыслит образами. Он, как Менделеев, мыслит таблицами, думает композициями. И этим он отличается от американского авангарда, который не думает, а чувствует.

Что такое композиция? Я бы сказал, что это клипы. Синтез музыки и живописи. Но не буду так говорить. Композиции состоят у него из элементов. Что такое элементы? Это части, которые не отсылают к целому. Но это и не части, которые отсылают к другой части. Это то, что отсылает к самому себе. И в этом смысле это базовый элемент мира. Что делает человек прежде всего? Он эмоционально раскрашивает мир. Что делает Кандинский? Он наделяет эмоциональными свойствами цвет и форму. Горизонталь звучит холодно и минорно. Вертикаль – тепло и высоко. Диагональ соединяет тепло и холод. Острые углы являются теплыми, желтыми и активными. Прямые углы – холодны, красны и сдержанны. Зеленый цвет уравнивает и звучит, как скрипка. Синий – это орган. Красный звучит, словно барабанный бой. Голубой издает звук флейты. Желтый поднимает все выше и выше до высоты, невыносимой для глаз. Синий опускает в бездонные глубины.

Сколько базовых элементов? Флоренский говорил, что таких элементов около 9 – точка, линия, плоскость, спираль, круг, треугольник, овал и т.п. (Флоренский, 1993). У Кандинского их бесконечно много. Искусство Кандинского антропологизирует геометрию мира. В его композициях нет человека. И непонятно: они его предвосхищают или они его оставляют в прошлом.

Ведь что такое картина? Картина нуждается во взгляде на картину. Она ищет его, ибо только вместе с ним она становится тем, что она есть. Картина ищет глаз человека. Где глаз – там центр мира. В композициях Кандинского нет центра. Везде периферия, все самостоятельно. Но и в картинах Моне нет центра. Импрессионизм убрал глаз и у него все, как у Гераклита, потекло. У Кандинского вместо глаза как будто бы работает камера, которая может видеть то, что не видит глаз. У него мир не течет. Он у него взрывается, как галлюцинация. Или замирает в свободном падении. Кандинский монтирует кадр, как режиссер. Монтаж его метод.

Следующим шагом Кандинскому нужно было бы, видимо, ввести несколько камер, комбинация которых дала бы не кубизм, не множество взглядов на один предмет, а зеркальное множество картин в картине. Его композиции мы можем вращать вокруг своей оси. Почему? Потому что значение цвета не изменится. Желтое все равно будет тянуть нас вверх, а квадрат как был красным, так и останется красным. Не порозовеет. В композициях Кандинского нет ни верха, ни низа, ни левого, ни правого, ни ближнего, ни дальнего. Им не хватает бозона, который мог бы придать им некую материальность.

В композициях Кандинского мы сталкиваемся с формами чистого бытия. У него нет ни Дазайна, ни тут-бытия, ни там-бытия, как у Хайдеггера. Ведь что такое Дазайн? Это равенство форм жизни, равенство человека и нечеловеческих форм жизни. Что такое чистое бытие? Это не то, что все думают. Это не существование. Не то, что можно изобразить, выразить, репрезентировать. Чистое бытие – это то, что само себя раскрывает в своем существовании. И в этом смысле композиции Кандинского – иллюстрация к простой мысли о том, что бытие и мысль о бытии – одно и то же. Это бытие, для которого не может быть зрителя или наблюдателя. Поэтому все, что происходит в голове зрителя, не имеет никакого отношения к тому, что происходило в голове Кандинского, а все, что происходило в голове Кандинского и нашло свое отражение в его книгах, не имеет никакого отношения к тому, что получилось в композициях. Ведь что такое основные элементы мира? Что такое точка, линия, плоскость? Это то, чего нет. Это галлюцинации. Или, говоря современным языком, некая локализация, существующая во взгляде того, что смотрит на себя.

Сезанн

Кандинскому нравился Сезанн. Сезанну понравилась фигура стоящей женщины на картине Рубенса «Апофеоз Генриха IV». Он взял ее форму себе и поместил в картину «Купальщицы» 1906 года. Главное в этой картине не купальщицы, а треугольник с вершиной, образуемый двумя деревьями. Мы не знаем, что это за деревья, что это за река, что это за женщины, не знаем, когда это все происходит и где. Все абстрактно.

Треугольник подчиняет себе всю картину. Он изменяет пропорции человеческого тела. Слева мы видим фигуру женщины, которую треугольник заставляет тянуться к своей вершине, и она вытягивается в какие-то уже человечески невозможные формы. Рядом с ней находится другая женщина, фигура которой приземлена горизонтальной линией треугольника и поэтому выглядит какой-то короткой по сравнению с первой. Справа видна

еще одна фигура, которая, как и первая, тянется вверх. Сезанну неважно, что искажаются пропорции. Он решает художественные задачи. Картина все равно, что там происходит за пределами картины, в реальности. На картине Сезанна на первый план выступает абстрактное, а не конкретное, не органика. То же самое мы видим и на картинах Кандинского, у которого органика на заднем плане, а абстрактное на первом плане. Как мыслитель Кандинский должен был решить, мешают ли оба эти планы друг другу или помогают, не заменить ли вообще фигуры человека абстракциями. И Кандинский приходит к выводу – нужно заменить. При этом композиционно ничего не меняется. Абстрактное удерживает форму картины. Кандинский полагал, что в искусстве вообще нет никакого категорического императива, нет слова «должен». Художник никому ничего не должен. Искусство, заявляет художник, навеки свободно. Оно бежит от слова «должен» как день от ночи.

Неклассическая эстетика

В искусстве все относительно. Кандинскому нравится принцип отноцентризма. Центр везде, периферия – нигде. Везде линия, цвет, поверхность. Но у каждого художника есть еще и принцип некоей внутренней необходимости. Что это такое? Это тройкий код во взгляде всякого художника. В нем есть то, что видит только этот художник, что свойственно именно ему. А что свойственно художнику? А художнику свойственно видеть свои видения. Вот это и определяет художественную фактичность. Помимо этого, во взгляде каждого художника есть еще и то, что свойственно видеть эпохе. Что это значит? Это значит, что у эпохи есть свои видения. И, следовательно, любой эпохе свойственно что-то не видеть, на что-то не обращать внимания. Время эпохи вообще определяется тем, что люди не могут видеть, на что люди закрывают глаза. И еще во взгляде художника есть то, что свойственно видеть человеку вообще. То есть существуют вещи, которые человек не может не видеть, не может не знать. Есть то, на что он в принципе не может закрыть глаза. Это «вечная художественность» в человеке. Изначальные координаты этой «вечной художественности» определяется в человеке антагонизмом между «мы» и «они». Если есть эти исходные координаты, тогда есть и понимание различия между светлым и темным, теплым и холодным, близким и далеким. Например, желтое – это теплое, синее – это холодное. Теплое стремится к зрителю, холодное стремится от него. Желтый приближает, синий удаляет.

Кандинский не вписывается в классическую эстетику. Из всего наследия Канта, например, к нему можно отнести только один тезис. Это тезис о том, что всякий человек априори может построить фигуру животного вообще. Все остальное, включая понятия катарсиса, возвышенного, прекрасного, незаинтересованного, можно спокойно выкинуть. Даже если для Канта аналог искусства – это игра в карты, то относительно Кандинского эта метафора не работает. Почему? Потому что композиции не переводят, как игра в карты, человека из одного состояния в другое, не вызывают в нем радость, надежду, огорчение и прочие чувства. Для Кандинского – это не состояния, не качества человека, а фиксированные на плоскости «станции», которые пробегает внешний наблюдатель.

Мыслитель

Кандинский – мыслитель ([Философия русского авангарда, 2018](#)). Его живопись обращена к мышлению. Что же делает искусство Кандинского? Оно, по его словам, соскабливает материю с души, готовит человека к переходу из эры материального в сферу духовного. У Кандинского есть понятия внутреннего мира и духовности. Но эти понятия бесконечно испорчены теософией, антропософией и существующими общественными предрассудками. Что такое духовность? С одной стороны, это эмоция, а с другой – знание о вещах до встречи с ними. Человек, перемещаясь по силовым полям цвета и формы, должен был достичь территории духовности, то есть различия добра и зла.

В искусстве Кандинского нет борьбы пространства и вещей. В нем есть только плоскость, фигуры и цвет. Но посредством цвета и геометрических форм нельзя передать воздействие на самого себя. А без самовоздействия нет никакой духовности. Искусство Кандинского не имеет никакого отношения к выражению духовных ценностей. Кандинский на своих полотнах фиксировал не духовные ценности, а чистые формы мира, которые отсылают не к человеку и его опыту, а к точке сингулярности. В свое время искусство Кандинского называли дегенеративным. Но Кандинский не дегенерат. Он знал одну

простую вещь, которую многие сегодня уже не знают. Сегодня все знают, что в мире есть только тела и силы. Кандинский знает, что в мире есть еще некоторое внутренне. Внутреннее – это то, что можешь видеть только ты и никто другой. Внутренний мир человека – это время. Время, которое вообще не касается вещей.

Треугольник Кандинского

Как понимать знаменитые рассуждения Кандинского о треугольнике в работе «О духовном в искусстве» (Кандинский, 2016)? Очень просто. Верхняя часть треугольника, вернее точка, в которой заканчивается треугольник, – это место художника. Так думал Кандинский. Я добавлю – это также место философа и святого. Что это значит? Я открою тайну, что человек впервые появляется не как охотник, не как рыболов или каннибал, а как художник, философ и святой. Эта мысль кажется безумной, но для Кандинского, впрочем, как и для Ницше, это мысль обладает самоочевидностью. Все, что Кандинский сказал о духовном росте той толпы, которая занимает основание треугольника, можно отнести к предрассудкам образованного человека начала 20 века. Место, которое занимает один, не могут занимать миллионы. Кандинский думал, что в треугольнике есть движение и те, кто был внизу, всей своей массой поднимаются вверх в ту точку, в которой находится художник. Кандинский полагал, что так происходит духовный прогресс. Сегодня можно прямо сказать, что никакого духовного прогресса не было и не будет. Прогресс оказывается техническим. В треугольнике вообще нет движения. Треугольник сам по себе не может поменять цвет. Но если бы даже он его менял, то этот цвет был бы цветом деградации. Кандинский не знал, что не прогресс, не точка роста играет важную роль в жизни человека, а точка соприкосновения двух конусов, двух треугольников, обращенных острием друг к другу. Эта точка называется точкой абсурда, точкой превращения, средоточием нелогического. Тем, что может остановить прогресс. Искусству Кандинского не достает чувства абсурда, мощи алогического. Он просто ученый, который пытается составить рациональную таблицу цветов и фигур.

Кандинский наивно думал, что если нет духа или, как он говорил, если нет чувства тонкой материи, то тогда ищут поддержку в толстой, вернее твердой материи. Но Кандинскому надо было бы, видимо, добавить, что тогда получается не искусство, рождающее мир, а искусство приспособления к миру.

Любой художник, как и любой философ, знает, что мир устроен так, что он не может не деградировать. И место художника, философа и святого в нем не гарантировано. Что это значит? Это значит, что мир ждет апокалипсиса. Но апокалипсис – это уже не чистая форма бытия, это содержание. Чтобы его зафиксировать, нужна другая, фигуративная живопись, поэтому в «Композиции №7» я не вижу никакого апокалипсиса, никакой борьбы света и тьмы, Бога и сатаны. Абстрактная живопись может быть умной или глупой. Там, где существуют точки, линии и плоскости, не может быть ангелов, святых, добра и зла. Абстрактная живопись не может быть красивой.

Резюме

Мы, говорит Кандинский, не греки. Не будем им подражать. Если будем подражать, то у нас будет только форма, но не будет души, внутреннего смысла. Ближе всего к нам примитивы, варвары. Это чистые художники, как и мы, абстракционисты. Для нас внешнее случайно. Внутреннее необходимо. Жизнь – это всего лишь черный круг. В этом круге есть маленькая светящаяся точка. Это наша душа. Примитивы палеолита знали, что эта точка – свет. Мы сегодня уже колеблемся. Мы думаем, что это сон. Цвет перестает быть тем, что достигает глубин сознания.

Искусство, как и философия, должно пророчествовать. У художника должны быть видения. Это его крест: тянуть повозку человечества вверх. Художник одинок, его никто не понимает. Но хуже всего, когда художник понятен своему окружению. Искусство – это все, что, по словам Канта, делается посредством свободы.

Но делать что-либо сегодня посредством свободы – не значит быть художником, ибо художник – это не только свобода, не только умение, но и судьба быть непонятым.

Литература

- Адорно, 2001 – Адорно В. Теодор. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 527 с.
 Гринберг, 2005 – Гринберг К. Авангард и китч // Художественный журнал, № 60, 2005. С. 49–58.
 Деррида, 2000 – Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ад Маргинем. 2000. 512 с.
 Кандинский, 1913 – Кандинский В. Ступени, 1913. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wassilykandinsky.ru/book-118-1-16.php> (дата обращения: 21.04.18).
 Кандинский, 2016 – Кандинский В. О духовном в искусстве. М.: ЭКСМО, 2016. 160 с.
 Философия русского авангарда, 2018 – Философия русского авангарда / под. ред. Ростовской Н.Н. М.: Проспект, 2018. 128 с.
 Флоренский, 1993 – Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 321 с.

References

- Adorno, 2001 – Adorno V. Teodor. (2001). Esteticheskaya teoriya [Aesthetic theory]. M.: Respublika, 527 p.
 Derrida, 2000 – Derrida Zh. (2000). O grammatologii [About grammarology]. M.: Ad Marginem. 512 p.
 Filosofiya russkogo avangarda, 2018 – Filosofiya russkogo avangarda [Philosophy of russian avant-garde]. Pod. red. Rostovoi N.N. M.: Prospekt, 2018. 128 p.
 Florenskii, 1993 – Florenskii P.A. (1993). Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh [Analysis of spatiality and time in artistic and visual works]. M.: Progress, 321 p.
 Grinberg, 2005 – Grinberg K. (2005). Avangard i kitch [Avangard and Kitsch]. Khudozhestvennyi zhurnal, № 60, pp. 49–58.
 Kandinskii, 1913 – Kandinskii V. (1913). Stupeni [Steps]. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.wassilykandinsky.ru/book-118-1-16.php> (data obrashcheniya: 21.04.18).
 Kandinskii, 2016 – Kandinskii V. (2016). O dukhovnom v iskusstve [About the spiritual in art]. M.: EKSMO, 160 p.

Кандинский: философия вечной художественности человека

Федор Иванович Гиренок ^{а,*}

^аМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется философия живописи Василия Кандинского. Автор проводит сравнительный анализ американской школы авангарда и русской школы авангарда. Авангард, по мнению автора статьи, это отказ художника от предмета в искусстве. Он запрещает узнавать и удивляться. На взгляд автора статьи, Кандинский совершает коперниканский переворот в искусстве. Он обращает внимание не на предметы, которые его окружают, а на первообразы, которыми обладает его душа. Кандинский отличается от американских абстракционистов тем, что он стирает границу между искусством и философией. Тогда как американский абстракционизм стирает границу между искусством и не-искусством. Американская школа авангарда понимает искусство как действие. Русская школа авангарда понимает искусство как философию. Кандинский, отвечая на вопрос «Что есть искусство?», становится философом. В исследовании высказывается мысль о том, что искусство является непрерывно длящимся движением художника к доязыковому состоянию человека. Философия русского авангарда исходит из того, что человек причастен вечной художественности, а его душа – это, как говорит Кандинский, светящаяся точка в геометрии черного круга.

Ключевые слова: авангард, абстрактная живопись, В. Кандинский, Дж. Поллок, неклассическая эстетика, искусство, человек, М. Дюшан, К. Гринберг, творчество.

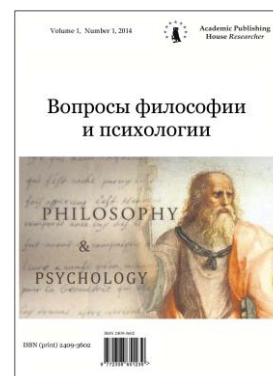
* Корреспондирующий автор
 Адреса электронной почты: girenok@list.ru (Ф.И. Гиренок)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2018, 5(1): 12-23

DOI: 10.13187/vfp.2018.1.12
www.ejournal20.com



Globalization and its Historical Forms. Social and Philosophical Interpretation

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyses the socio-philosophical meaning of the term «globalization», the diversity of historical forms of globalization humanity. One of the last and most successful historical forms of globalization was the «Euro-Atlantic» unification model of humanity, dubbed the «westernization». But the future of globalization is not associated with the inevitable westernization of the «second» world. The current wave of globalization induces major regional powers to produce their own, cultural and other forms of global strategies to prevent its spread in the form of «westernization».

Keywords: globalization, westernization, integration, Empire, modernization, nation, nationalism, national State, social philosophy.

Введение

На протяжении последних лет тема глобализации и ее последствий остается в центре самых оживленных дискуссий. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование «транс», «интер» и «над» национальных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но глобализация пока идёт таким образом, что не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для стран «большой семерки» во главе с США для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной «вестернизацией» стран мировой «периферии» и «полупериферии»? Какой выбор сделают страны? Точный ответ, разумеется, даст будущее. А в данной статье, проанализировав основные интерпретации термина и уточнив социально-философское понимание глобализации, снимающее односторонность многих подходов, я попытаюсь показать, что нынешняя волна глобализации побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные формы глобализационных стратегий, препятствующие ее распространению в формах «вестернизации» или «культурной гибридации». В теоретическом плане решение этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции процессов глобализации.

* Corresponding author
E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Y.D. Granin)

Основное содержание

Невзирая на то, что термин глобализация стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х годов, уже спустя десятилетие был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в её реальности. С тех пор ситуация не изменилась. По существу, каждый автор вкладывает в этот термин собственный смысл, содержание которого варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности автора. Поэтому любая серьезная попытка писать о глобализации должна, по мнению Р. Робертсона и Х. Хондкера, включать в себя анализ сходства и различия между дискурсами о глобализации (Робертсон, Хондкер, 2004). Но в корпусе работ, посвященных глобализации, эти дискурсы оказались переплетены так тесно, что произошла идеологическая абсолютизация концепта глобализации, с помощью которого, зачастую, пытаются объяснить все значительные изменения в современном мире, предварительно не выяснив сущности этого исторического феномена.

В отечественной литературе эта тенденция была замечена В.Л. Иноземцевым, остроумно сравнившим «теорию глобализации» с религиозной доктриной: «поскольку ряд основополагающих ее тезисов принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу» (Иноземцев, 2004: 58). К числу таких принципиальных проблем автор справедливо отнес вопросы о субъектах и движущих силах глобализации, которая, по его мнению, на самом деле есть ни что иное как «вестернизация» – начавшая с середины XV в. «экспансия «западной» модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели» (Иноземцев, 2004: 60).*

Оставляя пока в стороне вопрос о наличии «теории глобализации» и продуктивности отождествления «глобализации» с «вестернизацией», обратим внимание на реальные эпистемологические затруднения, возникающие в связи с возможностью ее существенно разных дисциплинарных и междисциплинарных (комплексных) трактовок. Своеобразие которых, в свою очередь, объективно обусловлено, с одной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира (НКМ), а с другой, – конкурентоспособностью различных концептуализаций истории человечества, в пределах которых вопросы о «движущих силах» и «субъектах» глобализации либо элиминируются, либо интерпретируются различным образом.

Так, используя идеи «универсального эволюционизма» и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной НКМ, «глобализацию» истолковывают, например, как «объективную эволюцию геобиосоциосистемы» (Чешков, 2005: 407),[†] или – как «целевую функцию» нелинейного процесса самоорганизации «социальной системы» в «суперсложный организм – Мегасоциум», который, будучи «представлен локальными социальными организмами (социумами)», в свою очередь, «имеет идеальную программу жизненного цикла»: «проходит стадии зарождения, роста и умирания» (Азроянц, 2002: 65, 66, 248, 250). В границах этой, как многие считают, новой парадигмы исторического знания, глобализация человечества интерпретируется как этап «универсальной» или «глобальной истории», имеющих циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется почти во всех крупных работах, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте «универсальной истории» пока немного и они неудачны. Не только из-за метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, но и из-за неясности эпистемологического статуса как самой синергетики (См., например, Синергетика..., 2006: 27, 31-33), так и проблемы «универсальной эволюционизма», которую, не без оснований, считают метафорой для «обозначения

* Процесс глобализации, отмечает В.Л. Иноземцев, не может быть описан строгой теорией, поскольку глобализация «основана на привлекательности образов, которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции, неизвестные ее «архитекторам» (Иноземцев, 2008: 37).

[†] Правда, в другой статье автор в контексте философского исследования определил глобализацию «прежде всего как объективный исторический процесс, сопряженный с борьбой различных интересов» (Чумаков, 2012: 14).

традиционной философской проблемы», «исследовательским проектом» постнеклассической науки, философские и научные основания которого «далеко еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются» (Казютинский, 2006: 93-94). Поэтому большинство исследователей предпочитают работать в пределах традиционных – социологических – истолкований истории человечества, в границах которых глобализация понимается либо как *одна из нескольких*, противостоящих друг другу, *тенденций истории*, либо как *одна* – результирующая – *тенденция исторического развития*.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями как «локализация», «национализация» и «регионализация», ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий,порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти» (Хелд и др., 2004: 19).^{*} Во-втором случае по сути тот же самый процесс – изменение пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения» либо «сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий и отношений между народами и государствами – интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности). На роль главных детерминант процесса глобализации исследователи выбирают: 1) развитие науки и техники, «техносферы» (техницистский подход); 2) развитие экономической (капиталистической), политической или культурной «мир-системы» (миросистемный подход); 3) распространение (столкновение) «культур» и «цивилизаций» (социокультурный подход); или 4) «модернизацию» обществ по линиям: «аграрное – индустриальное – постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна – постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются. Но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной – евро-атлантической – модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый «Центр» и отсталую «Периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации: ее первый этап обычно относят к «долгому XVI веку» (И. Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами, второй – к XIX столетию – веку индустриальной революции и формирования мирового рынка, третий – к середине XX века: эпохе НТР и международных организаций (Валлерстайн, 2003; Пантин, Лапкин, 2006; Спикер, 2003). Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции (Чешков, 1999; Чешков, 2008: 8) или Осевому времени (Хачатурян, 2002: 235-236). В этих случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически – волновой «никогда не завершающийся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций» (Пантин, 2003: 6).

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих, наиболее распространенных трактовок и периодизаций глобализации. Многие из них, как уже отмечалось, интерпретируют глобализацию как некий спонтанный, самоподдерживающийся процесс, исходят из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. Но все они будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию как *мегатенденцию к объединению* цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе *разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность*, реализующуюся (но с разной скоростью и успехом) одновременно по всем из указанных разделительных линий и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь во время снимать обычные в таких случаях абсолютизации и избегать объективизма. Лучшим

^{*} Под «потоками» авторы понимают «перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени», а под «структурами» - «отрегулированные, соответствующие определенным образцам взаимодействия между независимыми агентами, точками пересечения деятельности или центрами власти». [Там же].

лекарством от которых была и остается философия, интерпретирующая социальную историю вида *homo sapiens* не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», реализующихся вне и помимо совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием. В этом социально-философском аспекте глобализация не редуцируется к одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий свои содержание и формы.

Точка зрения социальной философии и, шире, философии истории, определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого обосновывается необходимость изучения исторических событий в контексте диалектико-деятельностного единства Бытия и Сознания. В контексте нашего исследования это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрения и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе взаимодействия разнообразным трансформациям и поглощениям. Известная нам письменная история человечества это не только *история внешних взаимодействий и отношений* (в том числе господства и подчинения) *между* объединенными в малые и крупные, социальные, политические и социокультурные целостности индивидами – «обществами» (социумами), «государствами» и «цивилизациями», но и «внутренняя» история возникновения, развития и исчезновения этих государств, обществ или цивилизаций. Только будучи расчлененными скальпелем категориального аппарата теории и абстрагированы от своей феноменальной данности и одна от другой, они существуют как независимые «истории» в пределах различных дисциплинарных онтологий. Но в действительности метадисциплинарного философско-методологического синтеза, подчеркивающего диалектику внутреннего и внешнего, социального, политического и культурного, одна без другой они попросту невозможны. Как невозможно внесоциальное, в широком значении термина, существование составляющих человечество индивидов.

Следовательно, *глобализация может и должна быть рассмотрена как мегатенденция к становлению и последующему объединению человечества*, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (т.е. культурно и политически связанных) целостностей. То есть *не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов (географический аспект), но и как сопутствующая и детерминирующая этот процесс предметно-практическая и духовная организация и реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этноты», «нации»), государства и цивилизации индивидов.* Соответственно источниками и движущими силами глобализационных процессов оказываются потребности (интересы) объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировало их распространение в пределах и за пределы регионов и континентов, сопровождавшееся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой и установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни.

Сформулированное таким, социально-философским, способом понимание глобализации как мегатенденции к становлению и объединению человечества – предельно общая, но совсем не пустая абстракция. Она не только учитывает оба значения термина «глобальный», восходящих к латинскому *globus* (планетарный) и к французскому «*global*»: «всеобщий», «всемирный». Но и способна нейтрализовать представление о «бессубъектности» этого процесса и хотя бы отчасти устранить почти повсеместную редукцию глобализации к экономической, политической или какой – то другой из многих сторон («составляющих») исторического процесса.

В качестве мегатенденции истории человечества, способом существования которой является предметно-практическая и духовная жизнедеятельность интегрированных в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидов, глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий

между ними. Поэтому ее можно рассматривать как совокупность процессов «экономической» (торговой, финансовой, производственной и др.), «политической» (военной и дипломатической) и/или «культурной» (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшихся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и разные исторические эпохи.

Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов: учитывать, что в длительной исторической ретроспективе *глобализация всегда выступала как последовательность сосуществующих и сменяющих друга друга исторических форм*. Источником которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории обществ, государств и цивилизаций, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропологических целостностей, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними* и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, общего внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни. Обобщая можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе становящееся единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и «эстафетностью» (М. Розов) бытия и сознания образующих ее антропологических целостностей. Не претендуя на полноту, рассмотрим характерные черты этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на собственно социальной и политической его компонентах.

Предыстория глобализации человечества уходит в глубокое прошлое. Известная нам антропоистория представляет собой двуединый биосоциальный процесс *эволюции и распространения вида homo sapiens по планете*, сопровождавшийся его антропобиометрической (расовой, внутрирасовой) дифференциацией, и *трансформации этого вида в «человечество»*. Развитие которого, в свою очередь, было связано не только с увеличением его численности и географического пространства жизни, но и с перманентным усложнением и увеличением разнообразия форм целесообразной осознанной жизнедеятельности, процессами социальной, экономической, политической и социокультурной интеграции – образования все более сложных и географически более обширных социумов, культур и цивилизаций, постоянно рождающих новые линии политических, экономических, культурных и иных дифференциаций.

Выделение человека из природы и его победа в конкурентной борьбе с животными и гоминидами были обусловлены не только изменением способов производства материальных благ, но и трансформацией духовно-практических форм производства и организации социальной жизни. Первоначально связанных, по-видимому, с неререфлексивным осознанием базовой потребности в общении и сосуществовании вместе с другими людьми, в развитии отношений родства (семьи), кооперации и солидарности, осуществляемым на основе закрепленных устной коллективной памятью категорий очевидности (Кармадонов, 2005: 56). Так или примерно так на заре человечества формировалось общее социальное пространство совместной жизни людей в составе первых человеческих обществ (социумов), целостность которых обеспечивалась общими для них неинституциональными нормами общежития.

Вектор последующей трансформации социальных целостностей во все более крупные (пространственно и численно) общества и их союзы был связан с расширением поля контактов между лингвистически и культурно разными социумами, становлением и развитием письменности, универсальных (логических) форм и категорий мышления. Абстрагирующая сила которых, вместе с продуктивной способностью воображения, глобализировала сферу представлений о взаимосвязях людей с окружающим Миром, помещая их в сферический пространственно-временной континуум совместной с Богами жизни. Так поверх всех локальных социокультурных различий в теогониях и мифопоэтических традициях выстраивалась символическая связь времен, формировалась

* Выражающееся в увеличении числа и протяженности транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций.

идея происхождения изначально единого «человечества», которая затем, в так называемое Осевое время (между 800–200 гг. до н.э.), обрела широкое распространение, оригинально трансформировавшись в различных религиозных и философских учениях, заложивших основы последующих глобальных (мировых) культур, религий и цивилизаций. Именно в этот период усилиями первых греческих философов, иудейских пророков, основателей зороастризма в Иране, буддизма и джайнизма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае формировалась идея глобальности мира, единства человечества и личной ответственности индивида за существование и сохранение анонимного мира-бытия. Впоследствии эта идея была подхвачена и своеобразно развита сначала христианством, а затем исламом. Параллельно и вместе с развитием глобализирующих мир и человечество философских и религиозных представлений шел интеллектуальный поиск политических и правовых форм совместной жизни.

Начиная с Неолитической революции, вся известная нам история вида *homo sapiens* – это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство: территории проживания и сосредоточенные на этих территориях, в том числе и человеческие, ресурсы. Удержать которые достаточно долго пришельцы и победители могли, лишь организовав *общее* экономическое и политическое *пространство совместной жизни* для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных (для них) норм общежития. Так возникали сначала ранние государства и их аналоги, а позже – этнические, имперские и собственно национальные государства. В пределах которых и помимо непреднамеренных культурных диффузий, сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной «бюрократии» осуществлялась ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно *гомогенные социальные целостности*: территориально, экономически, культурно и/или политически связанные в «общества» (племена, союзы племен, этносы и нации) группы людей, эмоционально-символически и концептуально идентифицирующие себя как одно целое и стремящиеся распространиться до пределов известной им Ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение имело характер военных и колониальных экспансий. Следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни. Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заимствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми «метрополиями» аккультурациями, «символическим насилием», вызывавшими сопротивление лингвистически и культурно разного иноверного населения покоренных и колонизируемых территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус «мировых» ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрения, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным, идею «человечества» и его антропобиологического единства – субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение «человечества» в глобальную целостность – философски и политически фундированным «проектом» (Гранин, 2007; Гранин, 2014а).

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием *интеграции* внутри и между большими и малыми, традиционно и политически организованными, культурно разными социумами. Конкуренция между которыми неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо распадам прежних целостностей, влекущими за собой очередную реконфигурацию внешнего (международного) пространства отношений между интегрированными в социумы индивидов. По сути дела *социально-политическая история глобализации* – это история превращения локальных историй первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в *региональную историю* древних и средневековых

этнических государств и империй, а затем – и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою государственных форм территориального контроля, но и создавшими новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющих свой временной и географический масштаб.

В контексте нашего обсуждения учет последнего обстоятельства имеет принципиальное значение. Подчеркивающее ограниченность построения западоцентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из потенциально возможных. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма XVII–XIX столетий, сопутствующими ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к формированию капиталистической «миросистемы» и последующей вестернизации Мира. Именно вестернизация, считают авторы этих концепций, – единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и обозримом будущем. Но это не так.

Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX – середины XX столетий. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной. Поскольку она основывается на двух, достаточно спорных, гипотезах: идее последовательного одновекторного смещения «центра» мирового развития с Востока на Запад, и идее «однополярного мира», разделенного на экономически, научно-технически, военно-политически и культурно доминирующий «Центр» (Запад) и «догоняющую», стремящуюся интегрироваться в него, «периферию» (Восток, Азия). Эти идеи, в свою очередь, опираются на предположение о линейном характере исторического развития, берущее начало в оформившейся в XVIII–XIX столетиях особой традиции европейского мышления, получившей в 1970–1980 годах в трудах арабомусульманских, индийских, китайских и других неевропейских историков и культурологов название «ориентализма».

Эта свойственная всей европейской культуре (и, как считают, не преодоленная до сих пор) традиция бинарного, культурно-оценочного противопоставления «энергичного», «свободного» и «цивилизованного» Запада «ленивому», «сонному» и «рабскому» Востоку стимулировалась и поддерживалась двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и (в меньшей степени) Америки. В ходе которой выковывалась «европейская идентичность» Белого человека, формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Так первоначальное географическое разделение мира превращалось в геополитическое, обрастало культурными смыслами и, проникая сначала в европейскую историографию и историософию, а затем и в антропологию, этнологию, психологию, в конце концов сделало ориенталистский (западоцентричный) подход к изучению иных народов и цивилизаций чем то само собой разумеющимся. Специфика ориентализма, считают его исследователи, заключается в том, что Запад всегда имел дело не с Востоком или Азией как таковыми, с их презентациями, а с вторичными по своей сути «образами Востока и Азии» – системой их репрезентаций (представленных в поэзии, литературе и академических исследованиях), которые сам для своих нужд и создал (Саид, 2006: 78–114).

Солидаризуясь с этим наблюдением, добавлю, что и «Восток» всегда имел и имеет дело не с Западом «как таковым», а его многочисленными «репрезентациями», в пределах которых, особенно в последние годы, Запад оценивается отнюдь не лучшим образом. Да и вообще тезис о соотношении презентаций и репрезентаций в научном исследовании требует глубокой проработки. Поэтому отдавая должное исследованиям ученых – реориенталистов,

результаты которых обогатили науку новыми фактами и обобщениями, не следует впадать в крайности «оксидентализма»* и перемещать «центр» прошлого (и современного) глобального развития из Европы в Азию. «Белые» мифологии† ничуть не лучше «желтых», а «востокоцентризм» и «азицентризм» не лучше «евро» и «западо» центризм. Предпочтительнее, снимая односторонность и цивилизационную «нагруженность» дискурса о глобализации, опираться на весь массив исторических знаний. Которые свидетельствуют о том, что «центр» и «периферия» постоянно менялись местами и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История – нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно и *глобализация как одна из ее тенденций была результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных «цивилизационных» (социокультурных) и политических моделей.* Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев выступала «империя» (Гранин, 2014а).

По справедливому замечанию А.Г. Франка, перемещение «центра мира» – колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии» (Frank, 1998: 1). Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что, начиная с XII в. н.э. и вплоть до середины (или конца) XVIII столетия, центром торгового, экономического, и даже индустриального прогресса (до XV века) была Азия‡. Крупнейшие империи которой значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния (Frank, 1998: 123-127). Уже в XI в. уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок, значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV в. в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII столетия. Это была, полагают исследователи, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров.

Тем не менее, в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза основам сплачивающим социумы традиционным мировоззрению и культуре, с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах, многими другими причинами. Как бы то ни было, начиная с XVI в. глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй центральной и юго-восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. И с тех пор, не взирая на

* Оксидентализм – обратная сторона ориентализма: концепция, приписывающая Западу отрицательные черты, якобы не свойственные высокодуховным и коллективистским восточным культурам.

† Именно так – «Белые мифологии. Сочинение истории и Запад» – называется обобщающий труд по ориентализму А. Янга, в котором он, ссылаясь на Э. Левинаса, обвинил всю западную историографию в «онтологическом империализме» (see: Young, 1990: 14).

‡ Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непрерывная продувка домны), которая стала известна в Англии 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Существовали и разветвленная транспортная сеть и развитая финансовая система.

упорное сопротивление возглавляемого Османами «исламского мира», последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы а позже и США, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке, навязав народам этих континентов евроатлантическую модель развития. Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной «вестернизацией» стран мировой «периферии» и «полупериферии»?

В значительной мере конкретный ответ на этот вопрос зависит от того, удастся ли этим странам, приспособившись к нынешней, в значительной мере скроенной по американским лекалам, вестернизации, выработать собственные, национальные (национально-государственные) формы глобализационных стратегий.

Разумеется, шансов «на равных» войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран «периферии» почти нет. Зато вполне реальны национальные формы глобализационных стратегий индустриальных стран, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолитерализма. Взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Индия, успехи которых в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, который занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы собственных социальных и политических ценностей. Более того. По мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего, патриоты. ...Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское» (Буров, Федотова, 2007: 18), сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Прочие страны мира скорее приспособляются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается успешно – как, например, у аравийских монархий, у других – например, у стран Тропической Африки к югу от Сахары – не получается совсем. Причины того и другого в меньшей степени связаны с национально-культурными особенностями, в большей – с использованием ресурсов этих стран глобальной экономикой (Гранин, 2013; Гранин, 2014b).

Между тем и по мере нарастания гегемонистских устремлений США и укрепления ШОС все больше вырисовывается перспектива создания треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трёх полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются в однополярном мире. Все три

страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Существуют и более амбициозные проекты, связанные с возможностью присоединения к ШОС Ирана и Малайзии. И поскольку известная нам история – нелинейный процесс структурного усложнения человечества и, одновременно, становления его целостности и единства, реализующийся в череде попыток формирования общего пространства совместной жизни сообществ людей на основе разных форм общежития и разных цивилизационных моделей развития, то может стать, что спустя несколько десятилетий вновь наступит «эпоха Азии».

Литература

- Азроянц, 2002** – Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М.: Новый век, 2002. С. 65, 66, 248, 250.
- Буров, Федотова, 2007** – Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. №5. С. 7-20.
- Валлерстайн, 2003** – Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. 78-82.
- Гранин, 2007** – Гранин Ю.Д. Что такое "глобализация"? // Высшее образование в России. 2007. №10. С. 117-121.
- Гранин, 2013** – Гранин Ю.Д. Глобализация или "вестернизация"? // Свободная мысль. 2013. №1. С. 51-64
- Гранин, 2014a** – Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. №1. С. 90-103.
- Гранин, 2014b** – Гранин Ю.Д. Модернизация России: в колее "зависимого развития" // Вопросы философии. 2014. №4. С. 14-24.
- Иноземцев, 2004** – Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. №4. С. 58.
- Иноземцев, 2008** – Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. №1. С. 31-44.
- Казютинский, 2006** – Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Философские науки. 2006. №7. С. 91-98.
- Кармадонов, 2005** – Кармадонов О.А. Глобализация и символическая власть // Вопросы философии. 2005. №5. С.47-56.
- Пантин, 2003** – Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003.
- Пантин, Лапкин, 2006** – Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования. Дубна: Феникс+, 2006.
- Робертсон, Хондкер, 2004** – Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы о глобализации: предварительные размышления // Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 2004. Ч.1. С. 127-131.
- Саид, 2006** – Саид В. Эдвард. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.
- Синергетика..., 2006** – Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2006. №9. С. 3-33.
- Спикер, 2003** – Спикер Г. Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003.
- Хачатурян, 2002** – Хачатурян В.М. Возможна ли глобальная история? (по материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло. 2002) // Цивилизации. Выпуск 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002. С. 235–236.
- Хелд и др., 2004** – Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. М.: Праксис, 2004.
- Чешков, 1999** – Чешков М.А. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et contra. 1999. № 4. С. 114-127.
- Чешков, 2005** – Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2005.

Чешков, 2008 – Чешков М.А. Глобальность как базовое понятие глобалистики // Век глобализации. 2008. №2. С. 3-11.

Чумаков, 2012 – Чумаков А.Н. Глобалистика в системе научного знания // Вопросы философии. 2012. №7. С. 3-16.

Frank, 1998 – Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles. 1998. P. 1, 123-127.

Young, 1990 – Young R. White Mythologies. Writing History and the West. London, New York. 1990. p. 14.

References

Azroyants, 2002 – Azroyants E.A. (2002). Globalizatsiya: katastrofa ili put' k razvitiyu? [Globalization: a catastrophe or a path to development?]. M.: Novyi vek, P. 65, 66, 248, 250.

Burov, Fedotova, 2007 – Burov V.G., Fedotova V.G. (2007). Kitaiskii opyt modernizatsii: teoriya i praktika [The chinese experience of modernization: theory and practice]. *Voprosy filosofii*. №5. pp. 7-20.

Cheshkov, 1999 – Cheshkov M.A. (1999). Globalizatsiya: sushchnost', nyneshnyaya faza, perspektivy [Globalization: essence, present phase, prospects]. *Pro et contra*. № 4. pp. 114-127.

Cheshkov, 2005 – Chumakov A.N. (2005). Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira [Globalization. Contours of the whole world]. M.: Prospekt.

Cheshkov, 2008 – Cheshkov M.A. (2008). Global'nost' kak bazovoe ponyatie globalistiki [Globality as a basic concept of globalistics]. *Vek globalizatsii*. №2. pp. 3-11.

Chumakov, 2012 – Chumakov A.N. (2012). Globalistika v sisteme nauchnogo znaniya [Globalistics in the system of scientific knowledge]. *Voprosy filosofii*. №7. pp. 3-16.

Granin, 2007 – Granin Yu.D. (2007). Chto takoe "globalizatsiya"? [What is "globalization"?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. №10. pp. 117-121.

Granin, 2013 – Granin Yu.D. (2013). Globalizatsiya ili "vesternizatsiya"? [Globalization or "westernization"?]. *Svobodnaya mysl'*. №1. pp. 51-64

Granin, 2014a – Granin Yu.D. (2014). Globalizatsiya: dialektika istoricheskikh form osushchestvleniya [Globalization: the dialectic of historical forms of implementation]. *Vek globalizatsii*. №1. pp. 90-103.

Granin, 2014b – Granin Yu.D. (2014). Modernizatsiya Rossii: v kolee "zavisimogo razvitiya" [Modernization of Russia: in the rut of "dependent development"]. *Voprosy filosofii*. №4. pp. 14-24.

Inozemtsev, 2004 – Inozemtsev V.L. (2004). Vesternizatsiya kak globalizatsiya, i «globalizatsiya» kak amerikanizatsiya [Westernization as a globalization, and "globalization" as an Americanization]. *Voprosy filosofii*. №4. P. 58.

Inozemtsev, 2008 – Inozemtsev V.L. (2008). Sovremennaya globalizatsiya i ee vospriyatie v mire [Modern globalization and its perception in the world]. *Vek globalizatsii*. №1. pp. 31-44.

Karmadonov, 2005 – Karmadonov O.A. (2005). Globalizatsiya i simvolicheskaya vlast' [Globalization and symbolic power]. *Voprosy filosofii*. №5. pp. 47-56.

Kazyutinskii, 2006 – Kazyutinskii V.V. (2006). Epistemologicheskie problemy universal'nogo evolyutsionizma [Epistemological problems of universal evolutionism]. *Filosofskie nauki*. №7. pp. 91-98.

Khachaturyan, 2002 – Khachaturyan V.M. (2002). Vozmozhna li global'naya istoriya? (po materialam dokladov KhIKh Mezhdunarodnogo kongressa istoricheskikh nauk v Oslo. 2002) [Is a global story possible? (based on the reports of the XIX International Congress of Historical Sciences in Oslo, 2002)]. *Tsivilizatsii*. Vypusk 5: Problemy globalistiki i global'noi istorii. M., pp. 235–236.

Kheld i dr., 2004 – Kheld D., Gol'dblatt D., Makgryu E., Perraton Dzh. (2004). Global'nye transformatsii. Politika, ekonomika i kul'tura [Global Transformations. Politics, economics and culture]. Per. s angl. V.V. Sapova i dr. M.: Praksis.

Pantin, 2003 – Pantin V.I. (2003). Tsikly i volny global'noi istorii [Cycles and waves of global histor]. *Globalizatsiya v istoricheskom izmerenii*. M.: Novyi vek.

Pantin, Lapkin, 2006 – Pantin V.I., Lapkin V.V. (2006). Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya [Philosophy of historical forecasting]. Dubna: Feniks+.

Robertson, Khondker, 2004 – Robertson R., Khondker Kh. (2004). Diskursy o globalizatsii: predvaritel'nye razmyshleniya [Discourses on globalization: preliminary reflections]. Globalizatsiya: kontury KhKhI veka. Referativnyi sbornik. M.: INION RAN, Ch.I. pp. 127-131.

Said, 2006 – Said V. *Edvard* (2006). Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Russkii mir.

Sinergetika..., 2006 – Sinergetika: perspektivy, problemy, trudnosti (materialy «kruglogo stola») [Synergetics: perspectives, problems, difficulties (materials of the "round table")]. *Voprosy filosofii*. 2006. №9. pp. 3-33.

Spiker, 2003 – Spiker G. (2003). Globalizatsiya i razvitiye: perspektivy khristianskoi sotsial'noi doktriny [Globalization and development: perspectives of christian social doctrine]. Globalizatsiya i stolknovenie identichnosti. M.

Vallerstain, 2003 – Vallerstain I. (2003). Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka [End of the familiar world]. Per. s angl. V.L. Inozemtseva. M.: Logos, pp. 78-82.

Frank, 1998 – Frank A.G. (1998). ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles. pp. 1, 123-127.

Young, 1990 – Young R. (1990). White Mythologies. Writing History and the West. London, New York. p. 14.

Глобализация и ее исторические формы. Социально-философская интерпретация

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а, *}

^а Институт философии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются социально-философское содержание понятия «глобализация», многообразие исторических форм осуществления глобализации человечества. Одной из последних и наиболее успешных исторических форм глобализации оказалась «евроатлантическая» модель объединения человечества, получившая название «вестернизации». Но будущее глобализации не связано с неизбежной вестернизацией стран «второго» мира. Нынешняя волна глобализации побуждает крупные региональные державы вырабатывать собственные, культурно иные, формы глобальных стратегий, препятствующие ее распространению в форме «вестернизации».

Ключевые слова: глобализация, вестернизация, интеграция, империя, модернизация, нация, национализм, национальное государство, социальная философия.

* Корреспондирующий автор

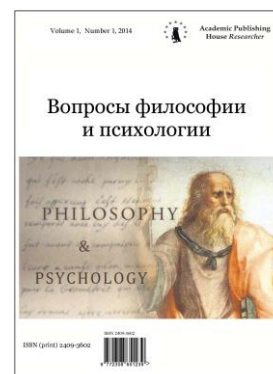
Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2018, 5(1): 24-36

DOI: 10.13187/vfp.2018.1.24
www.ejournal20.com



The Problem of Scientific Method in the First Positivism

Sergey A. Lebedev ^{a, *}

^a Bauman Moscow state technical university, Russian Federation

Abstract

Positivism as a special area of the philosophy of science emerged in the 30s of XIX century. It was founded by Auguste Comte, Herbert Spencer and J.St. Mill. Comte developed the overall concept of the nature of scientific knowledge, it differs from all other kinds of knowledge, and above all, philosophical and religious. Spencer developed the ontology of science, J.St. Mill – the logic and methodology of science. In general methodological positivism of the first program is known as "classic inductivism". According inductivism main task of science is the discovery of causal laws and the proof of their truth, and the method that is able to perform this function is the induction, but not enumerative, and induction through the proof of the falsity of all the competing assumptions about the true reasons for the law, but one. Eliminative induction methods have been developed J.St. Mill in his famous work "The system of syllogistic logic and inductive". Mill believed that he was able to build an inductive logic as logic of discovery and proof of causal laws of science. However, a critique analysis of the cognitive capacity the induction by elimination J.St. Mill practiced already by his contemporaries (St. Jevons, L. Rutkowski, W. Whewell and others), demonstrated the invalidity of claims of Mill to create the logic of discovery and proof of scientific laws. It has been shown that evidence-based opportunities through the elimination induction does not exceed the capacity of enumerative induction and that the destiny of any induction – no proof, but at best only a confirmation of scientific laws, and in general any of the general concepts and theories. The method of the opening of the general scientific hypotheses is not induction, but the hypothesis on the basis of cognitive experience and intuition of the scientist. It became apparent to many scientists and philosophers of science by the 70s of XIX century. This result meant a methodological inconsistency early ("first") positivism. However, from this it does not follow the failure of the general ideas of positivism, his interpretation of scientific knowledge as a purely empirical knowledge of its contents and the sufficiency of science as a special way of knowing reality. As a result, in the course of its evolution, to replace the first positivism comes second positivism, which abandons the first methodology of positivism, but remains faithful to all the general ideas of positivism. The main options for the second positivism will empiriocriticism of Mach and conventionalism of Poincare.

Keywords: positivism, first positivism, induction, induction by elimination, causal law, inductive logic.

Основоположник позитивизма О. Конт (1798–1857) считал, что вся прежняя классическая философия имела дело с псевдо проблемами и псевдо решениями, занимаясь

* Corresponding author
E-mail addresses: saleb@rambler.ru (S.A. Lebedev)

умозрительным поиском неких первоначал бытия. В новую эпоху развития человечества, основанную на использовании конкретно-научного, позитивного мышления и знания, с философским типом мышления необходимо расстаться и как можно скорее, ибо он ведет лишь к бесполезным умозрительным построениям, истинность которых невозможно проверить на опыте. Философия уже выполнила свою историческую миссию, внося важный вклад в формирование общей культуры абстрактного мышления и конкретно-научного способа познания. Теперь, когда конкретные науки уже твердо стоят на своих собственных ногах, наука и научное мышление не нуждаются ни в каких философских подпорках. Время старой философии в культуре закончилось. Отныне наука – сама себе философия. Она способна самостоятельно справиться со всеми своими проблемами с помощью имеющихся у нее методов. Главное предназначение науки это эмпирическое познание действительности, обобщение результатов наблюдений и экспериментов и формулировка научных законов как высшей цели науки. «*Всякая позитивная теория необходимо должна быть основана на наблюдениях*» (Конт, 1971: 152). На смену старому метафизическому философскому мировоззрению должно прийти новое – научное. Выработка такого мировоззрения – одна из важных задач позитивной, научной философии. Эта новая, позитивная философия должна заниматься исключительно обобщением результатов конкретных наук, разработкой общей методологии науки и классификацией наук. Основное произведение Конта так и называется “Курс позитивной философии” в 6-ти томах (1830–1842 гг.). Основная задача науки по Конту это эмпирическое познание действительности. Основные методы научного познания: наблюдение и эксперимент, установление и описание фактов, их систематизация и обобщение. Конт предложил и новую классификацию наук, основу которой составляла степень возрастания конкретности знания в разных науках. Эта классификация выглядела у Конта следующим образом: математика, астрономия, физика, химия, биология и социальная физика, которую впоследствии Конт назовет социологией как конкретной наукой об обществе. По его мнению, данная классификация наук выражает общую закономерность развития научной мысли от абстрактного знания к конкретному, более сложному знанию. Главная задача науки это описание и объяснение отдельных фактов, а не поиск лежащих в их основе неких сущностей. Научные факты могут быть разной степени общности, как менее общие, так и более общие. Главная цель научных теорий это формулировка научных законов. Законы науки – это тоже факты, но только более общие, чем лежащие в их основе непосредственные данные опыта. Наука должна давать ответ на вопрос не почему, а как протекают явления. Главный практический смысл научного познания по Конту: “Знать, чтобы предвидеть, а предвидеть, чтобы мочь” (Конт, 1971). Конкретно-научное мышление образует третью, наиболее совершенную и последнюю стадию развития мышления, после мифологически-религиозной и умозрительно-философской стадий своей эволюции. Это наиболее зрелый и вместе с тем наиболее мужественный и ответственный способ человеческого познания. Наиболее мужественный, потому что он основан на отказе от иллюзий и фантазий философского мышления в поисках некоей абсолютной истины о мире и знания о последних основаниях бытия. «В позитивном состоянии человеческий разум, признав невозможность достигнуть абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения Вселенной и от познания внутренних причин явлений и всецело сосредотачивается, правильно комбинируя рассуждения и наблюдения, на изучении их действительных законов, т.е. неизменных отношений последовательности и подобия» (Конт, 1971: 151). Научный тип мышления сознательно ограничивает себя лишь тем, что реально доступно человеку в познании окружающей его объективной действительности. А доступна ему лишь та часть реальности, которая может быть познана эмпирическим путем, с помощью наблюдений и эксперимента, как источника и основы объективно-истинного и практически полезного для человека знания в его приспособлении к действительности и её практическом освоении для своих нужд. Вместе с философией должно окончательно и безвозвратно уйти в небытие время красивых, но иллюзорных представлений человека не только о мире, но и о себе и в частности о своих якобы познавательных возможностях. «Человек от науки» отказывается от «детской» и наивной мечты о возможности овладения абсолютной истиной и всецело посвящает себя достижению более скромной, но реальной цели – относительно истинного знания о той части объективной реальности, с которой он непосредственно взаимодействует

и получает в ходе этого взаимодействия чувственную, эмпирическую информацию о ней. Это конечно значительно меньше того, что обещала религия и философия человеку в его познании мира, но зато более объективное и практически полезное знание. Главная цель позитивной науки – открытие научных (естественных, объективных) законов, управляющих явлениями, и сведение по возможности количества этих законов к наименьшему числу (Лебедев, 2014).

Методологическая часть программы первого позитивизма была представлена в основном в трудах английского философа, логика и экономиста Дж. Ст. Милля (1806–1873). Это была усовершенствованная индуктивистская методология науки, основы которой были сформулированы еще Ф. Бэконом (Бэкон, 1971). Однако серьезный критический анализ этой программы, в том числе и ее применимость к описанию реального способа научного познания, показал ее принципиальные слабости и ее несоответствие критериям научности знания самого позитивизма.

2. Индуктивистская методология первого позитивизма.

Система методологии науки первого позитивизма была изложена в капитальном труде Дж. Ст. Милля “Система логики силлогической и индуктивной” (1843 г.). Индукция является, по мнению Милля, **главным** методом науки (Милль, 1869; Милль, 1914). Эта концепция о ведущей роли индукции в научном познании получила впоследствии название всеиндуктивизм. Она была весьма распространенной среди ученых, начиная с Нового времени и вплоть до начала XX в. – времени начала кризиса всей классической науки, в том числе физики и математики. Обычно под индукцией понимали эмпирическое обобщение, движение познающей мысли от данных наблюдения и эксперимента к их обобщениям – фактам и научным законам. В логике, начиная с Аристотеля, была разработана и проанализирована соответствующая форма вывода, так называемая перечислительная индукция. Это такой вывод, посылки которого содержат информацию о наличии определенного свойства или у всех или только у части членов изучаемого класса, а в заключении делается вывод о присущности данного свойства всему классу. В первом случае перечислительная индукция называется полной, во втором – неполной. Ясно, что в случае полной перечислительной индукции её заключение следует из её посылок с необходимостью, тогда как в случае неполной – её заключение является лишь только вероятным по отношению к посылкам. Безусловно, ученые часто пользуются неполной перечислительной индукцией как формой обобщения своих наблюдений. Так, в XVIII в. Лавуазье на основе многочисленных наблюдений того, что ряд веществ, подобно воде и ртути, может находиться в твердом, жидком и газообразном состоянии сделал очень значимый для химической науки вывод, о том, что **все** вещества могут находиться в трех указанных состояниях. С другой стороны, ясно, что заключение вывода по неполной индукции является не доказательным, а только вероятным, так как были исследованы не все элементы класса. А в большинстве случаев этого не может быть сделано вообще, когда, например, исследуемый класс является бесконечным, или только даже конечным, если величина его не известна. Заключение по неполной перечислительной индукции всегда могут быть опровергнуты в будущем, если будет обнаружено, что интересующее нас свойство будет отсутствовать хотя бы у одного неисследованного нами члена данного класса. Таких примеров наука знает огромное множество. Например, была доказана ложность индуктивного вывода о том, что «все металлы соединяются с серой» после обнаружения того, что по отношению к золоту это неверно. Та же участь постигла индуктивные обобщения типа «все рыбы дышат жабрами» после установления того, что кит не дышит жабрами, а также «все лебеди – белые» после открытия в Австралии в XIX в. черных лебедей. Строго говоря, с чисто логической точки зрения, заключения по неполной индукции являются просто незаконными, хотя, с другой стороны, они, безусловно, являются одним из важных эвристических средств выдвижения (открытия) общих гипотез.

Однако, в науке кроме перечислительной индукции всегда использовался также другой вид индукции – **элиминативная индукция** или **индукция через элиминацию**. Эта идея такой была высказана в работах Ф. Бэкона, который противопоставил ее перечислительной индукции как более надежный вид научного метода. Смысл индукции через элиминацию заключается в том, что ученый выдвигает на основе

имеющихся наблюдений за интересующим его явлением несколько гипотез о его причинах. В качестве причины любого конкретного явления, очевидно, могут выступать только предшествующие ему события. В ходе экспериментов, наблюдений и рассуждений исследователь должен опровергнуть (элиминировать) все неверные предположения о причине интересующего его явления. Истинной считается гипотеза, оставшаяся не опровергнутой. Вот этот вид индукции и был принят Миллем за основной метод науки и подвергнут фундаментальному логическому анализу. Милль сконструировал несколько логических форм элиминативной индукции. При этом он считал, что разработал не только логические формы доказательства причинных законов науки, но и методы (логику) открытия таких законов. Поэтому и саму индукцию он определял как «метод открытия и доказательства причинных законов».

Разработанные Миллем логические схемы элиминативной индукции впоследствии получили название методов установления причинных связей Милля (методы сходства, различия, объединенный метод сходства и различия, метод сопутствующих изменений и метод остатков).

При построении своих методов Милль исходит из следующего определения причинно-следственной связи: «Если наблюдаемое явление A имеет место, а наблюдаемое явление B за ним не следует, то A — не причина B ; если B имеет место, а A ему не предшествует, то A — не причина B ».

Правило **метода сходства** гласит: «Если два или более случая подлежащего исследованию явления имеют общим лишь одно предшествующее им обстоятельство, то это обстоятельство, — в котором только и согласуются все эти случаи — есть причина данного явления» (Милль, 1914: 354, 355).

Сходным путем вводится правило **метода различия**. Если к наблюдению: « $A+B+C$ — причина $A'+B'+C'$ », которое приводит к дизъюнкции « A' — следствие или A , или B , или C » добавляется второе наблюдение, свидетельствующее, что $B+C$ имеют следствием $B'+C'$, то сопоставление этих данных позволяет сделать вывод, что A — причина A' . Отсюда правило: «Если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, встречающегося лишь в первом случае, то это обстоятельство, в котором только и разнятся эти два случая, есть или следствие, или причина, или необходимая часть причины явления» (Милль, 1914: 355).

Метод остатков состоит в следующем. Наблюдение показывает, что $A+B+C$ — причина $A'+B'+C'$; с другой стороны, известно, что B — причина B' , а C — причина C' . Отсюда вытекает, что поскольку A' не может быть следствием ни B , ни C , постольку A' — следствие A . «Если из явления вычтешь ту его часть, которая, как известно из прежних индукций, есть следствие некоторых определенных предыдущих, то остаток данного явления должен быть следствием остальных предыдущих» (Милль, 1914: 361) — формулирует Милль правило этого метода. Таким же образом он устанавливает и два других метода: метод сопутствующих изменений и объединенный метод сходства и различия.

По мнению Милля, сформулированные им индуктивные каноны являются: а) методами **доказательства** причинных законов; б) **единственными** методами доказательства; в) единственно **научными** методами. «Если когда-либо открытия делались путем наблюдения и опыта без помощи всякой дедукции, то наши четыре метода суть методы открытия. Но даже если бы они и не были методами открытия, все же было бы верно, что это — единственные методы доказательства; а раз это так, то к ним можно свести также и результаты дедукции. Великие обобщения, впервые появляющиеся в виде гипотез, должны быть, в конце концов, доказаны и действительно доказываются (как будет выяснено впоследствии) при помощи этих четырех методов» (Милль, 1914: 395).

Насколько обоснованы претензии эмпирико-индуктивистской методологии науки Милля на адекватность реальному процессу научного познания? Уже современники Милля, известные историки науки, логики и методологи XIX века (Уэвелль, Джевонс и Брэдли в Англии, Лотце и Зигварт в Германии, Каринский и Рутковский в России), подвергнув детальному критическому испытанию все пункты индуктивистской программы Милля, пришли к общему выводу об ее несостоятельности (Лебедев, Коськов, 2014).

В отношении элиминативной индукции уже Э. Апелът доказал, что «логическая форма такой индукции не что иное, как форма разделительного умозаключения» (Лейкфельд,

1896: 17). Вундт, Зигварт, Рутковский (Зигварт, 1908; Лейкфельд, 1896; Рутковский, 1956) показали логическое тождество элиминативной индукции с процессом косвенного доказательства формы *modus tollendo ponens* разделительного умозаключения. Но из признания подобного тождества с необходимостью следовало, что методы индуктивного доказательства Милля должны удовлетворять всем требованиям, которые предъявляет логика к косвенным дедуктивным доказательствам дизъюнктивного вида. Необходимыми требованиями состоятельности таких доказательств являются: 1) полнота произведенной дизъюнкции; 2) строго взаимоисключающий характер членов дизъюнкции, 3) для утверждения истинности одной из альтернатив должна быть, несомненно, доказана ложность всех остальных. Однако, как показал Л.В. Рутковский в своей работе «Критика методов индуктивного доказательства» (Рутковский, 1956), ни одно из этих требований практически не реализуемо в индуктивном исследовании, ввиду чего установление истинного причинного закона с помощью методов Милля возможно только случайно. Справедливо замечал в этой связи известный русский статистик А.И. Чупров: «Результаты наших; наблюдений и экспериментов, как бы тщательно ни проводили их, никогда не представляются в виде связи $A+B+C$ со следствиями $A'+B'+C'$, а неизменно облакаются в форму связи причин $A+B+C+X$ со следствиями $A'+B'+C'$ (или причин $A + B + C$ со следствиями $A'+B'+C'+U'$). Если считаться с этим обстоятельством, то методы индукции Милля перестают быть приложимыми. Если же с ним не считаться, а слепо полагаться на правила индуктивных методов, то мы рискуем не придти ни к каким выводам, или, что того хуже, придти к выводам неверным: констатировать наличность причинной связи между явлениями друг от друга не зависящими, и отсутствие связи там, где она действительно есть» (Чупров, 1959: 111).

Весьма сильным условием возможности применения индуктивных правил Милля является также допущение, что среди набора наблюдавшихся обстоятельств одно и только одно является искомой причиной, одно и только одно — искомым следствием. Так, по методу различия мы заключаем, что если после явлений ВСД явление К не следует, а после явлений ВСДТ оно следует, то причиной К является Т. Однако почему мы не можем предположить, что причиной К является весь комплекс ВСДТ, а не просто Т? Таким образом, требование строго взаимоисключающего характера членов дизъюнкции также является теоретически не обоснованным и практически невыполнимым. Кроме того, применению индукции через элиминации всегда необходимо предшествует анализ, разложение сложного явления на элементарные его составляющие (А, В, С, Д и т. д.). Допустим, экспериментатор нагревает металл и он плавится. Спрашивается, какое из предшествующих условий является причиной этого: вес металла, его форма, цвет, температура нагрева, время нагрева и т. п. Очевидно, что анализ этих условий существенно влияет на утверждение одного из них в качестве истинной причины с помощью методов Милля. Однако, непонятно, до каких пределов должен совершаться такой анализ, какое число факторов необходимо принимать во внимание? Как отличать существенные факторы от несущественных? Ясно, что этот анализ будет всегда неполон, а ведь именно от него зависит формулировка исходного набора полных и исключаяющих друг друга обстоятельств как необходимого условия действия индуктивных методов. «Ввиду обычно составного характера настоящей, действительной причины, необходимо признать, что, разлагая агрегат явлений, содержащий в себе искомую причину, на простейшие ее элементы, мы тем самым расчлняем и искомую причину на ее составные части; делая же затем о каждой части нашего деления предположение, что она есть искомая причина, мы, очевидно, гипотетически принимаем за причину ее отдельные составные части. Отсюда происходит, что точное исполнение требований, предписываемых правилами методов, оказывается или невыполнимым, или безрезультатным» (Зигварт, 1908: 244).

Наконец, третьим необходимым условием логической состоятельности индукции через элиминацию является доказательство несомненной ложности всех альтернатив, кроме одной. Предлагаемые Миллем для этого доказательства элиминативные правила существенно опираются на его понимание условий существования причинно-следственной связи. Эти условия следующие: если наблюдаемое явление А имеет место, а наблюдаемое явление В за ним не следует, то А — не причина В; если В имеет место, а А ему не предшествует, то А — не причина В. Насколько основательны и верны данные

предположения о характере причинно-следственной связи? Критикуя миллевское понимание причины, Зигварт отмечает, что понятие причины только тогда является научным, когда в него внесен признак количественного соотношения, количественной связи между причиной и действием (Зигварт, 1908). Пример Зигварта: нельзя сказать, что мышьяк отравляет, ибо это бывает лишь при определенной дозе. Несостоятельность понимания Миллем причинно-следственной связи убедительно показал Л.В. Рутковский. Так, критикуя предположение Милля о том, что действие не может существовать в отсутствие своей причины, он указывает на то, что существуют причины, которые неизбежно исчезают, производя свое действие. Например, при переходе механической работы (причина) в теплоту (действие) после того, как механическая работа совершена, причина отсутствует, а действие существует. С другой стороны, существуют действия, которые наступают лишь спустя некоторое (может быть, весьма продолжительное) время после породившей их причины (например, действия законодательных мероприятий или в тех случаях, когда наряду с причиной существует парализующий ее фактор). Наконец, одна и та же причина может производить порознь много разных следствий (так, определенная инфекция, как правило, имеет массу последствий).

Таким образом, при своём применении индуктивные каноны Милля не удовлетворяют ни одному из требований, предъявляемых логикой к их доказательности, а потому не могут трактоваться как методы *доказательства* причинных законов. Как и в случае перечислительной индукции, миллевские индуктивные правила ведут, в лучшем случае, к предположительному, вероятному знанию о причине исследуемого явления, не обладая доказательной силой. Столь же несостоятельно утверждение Милля о том, что его индуктивные методы есть единственные, научные методы доказательства. Они не единственны ни в том смысле, что к ним якобы можно свести все другие методы доказательства, в частности, способы дедуктивного доказательства, ни в том, что сами не нуждаются в каком-либо виде обоснования. Милль неоднократно подчеркивал, что его индуктивные методы основаны на признании всеобщности и несомненности закона причинности. Но, очевидно, что подобное допущение не могло быть получено и доказано с помощью индуктивных методов Милля. Иначе возникла бы ситуация логического круга, и тогда ему пришлось бы признать, что вообще не существует ни одного метода доказательства истинности причинного закона. В то же время очевидно, что принцип причинности не является аналитическим утверждением, а имеет фактуальный содержательный характер. В результате Милль оказался перед следующим гносеологическим выбором: либо принять принцип причинности как синтетическое a priori, либо найти какой-то способ его обоснования.

Первую возможность он принять не мог из принципиальных соображений, так как это означало бы крах его исходных эмпиристских установок. Реализуя вторую возможность, он обратился для доказательства истинности принципа причинности к перечислительной индукции и принципу единообразия природы. Но поступая так, Милль попадал под огонь критических аргументов Юма, показавшего, что обоснование заключений перечислительной индукции с помощью принципа единообразия природы заключает в себе с необходимостью логический круг. Единственное, что удалось сделать Миллю, это временно отодвинуть неизбежную для индуктивизма ситуацию логического круга. Но самое неожиданное состояло в том, что поскольку, согласно Миллю, в основе методов элиминативной индукции лежит перечислительная индукция, постольку получалось, что основу научной индукции (индукции через элиминацию) составляет индукция ненаучная, ненадежная. Это, безусловно, было явным противоречием его системы.

Всеиндуктивизму Милля в методологии науки XIX в. при разработке индуктивной проблематики противостояла более обоснованная концепция – **индуктивно-дедуктивная модель** научного познания. Основные ее представители – В. Уэвелль и Ст. Джевонс (Джевонс, 1881a; Джевонс, 1881b; Уэвелль, 1867). Если Гершель и Милль рассматривали индукцию, прежде всего, как метод доказательства, способ оценки истинности уже имеющегося предположения о причине исследуемого явления, то Уэвелль и Джевонс трактовали ее лишь как эвристический прием, как метод открытия, путь движения мысли от фактов к объясняющим их законам. При этом и Уэвелль и Джевонс четко сознавали неоднозначный характер движения мысли от частного к общему, понимая, что, отправляясь

от одних и тех же данных, можно прийти к выдвижению самых различных гипотез, объясняющих эти данные. С этой точки зрения индукция это не вывод, не доказательство, а лишь процедура *наведения* в полном соответствии с латинской этимологией данного слова (*induction* — наведение). Поскольку так понимаемое движение мысли от частного к общему существенно предполагает в качестве важного элемента интуитивную работу исследователя, постольку оно часто называется индукцией через интуицию.

В основе индуктивно-дедуктивной модели научного познания лежали следующие положения: 1) признание опытных данных (данных наблюдения и эксперимента) в качестве исходного пункта научного познания; 2) признание в качестве основного способа открытия научных законов и теорий индуктивного способа движения мысли от частного к общему; 3) отрицание однозначного логического пути, ведущего от фактов к законам и теориям; 4) выдвижение в качестве критерия правильного индуктивного восхождения от фактов к законам дедуктивного выведения первых из вторых (дедукция — критерий правильной индукции); 5) подчеркивание фундаментальной роли гипотезы в процессе научного познания.

Отрицая миллевскую трактовку индукции как логического метода открытия научных истин, В. Уэвелль в своем сочинении «Обновленный Новый Органон» убедительно показал, что процесс открытия научных законов является творческим процессом. Он связан с вычленением нового мысленного содержания, с изобретением новых понятий, которые невозможно получить путем простой логической комбинаторики данных опыта. В частности, анализируя открытие Кеплером орбиты планеты Марс, Уэвелль вполне справедливо подчеркивает то обстоятельство, что сама идея эллиптической орбиты, предложенная Кеплером, никак не могла быть выведена из астрономических наблюдений за движением этой планеты. Возражая Миллю, считавшему, что Кеплер, открыв закон эллиптического вращения планеты Марс, только суммировал свои наблюдения, Уэвелль писал: «Человек есть истолкователь природы; не только наблюдатель, но и истолкователь» (Уэвелль, 1867: 454). Согласно Уэвеллю, открытие Кеплера было «не только сумма наблюдений, виденных с новой точки зрения, которая была привнесена умом Кеплера» (Уэвелль, 1867: 454). По Уэвеллю, индукция, которую он определял как «процесс собирания общих истин из исследования частных фактов» (Уэвелль, 1867: 6), как процесс подыскания соответствующей идеи для связывания фактов, всегда предполагает акт открытия, изобретения.

Хотя теоретическим источником учения Уэвелля была философия Канта, тем не менее, как справедливо отмечал П. Лейкфельд, «подробности кантовской теории утрачивают в его глазах свое значение» (Лейкфельд, 1896: 109). Вопреки Канту, трактовавшему процесс научного познания как процесс «вставления» результатов эмпирического опыта и наблюдений в априорную и неизменную раму нашего сознания, Уэвелль считал, что создаваемые ученым понятийные рамки не неизменны, а существенно меняются вместе с прогрессом науки. При этом он подчеркивал преемственность в развитии знания: «Нам может казаться, — писал он, — что принципы, составлявшие торжество предыдущих периодов знания, низвергаются или уничтожаются позднейшими открытиями, но на деле эти принципы входят и включаются в последующие учения той доли истины, какая была в них. Таким образом, они продолжают быть существенной частью науки. Прежние истины не изгоняются, но поглощаются, не отрицаются, а расширяются» (Уэвелль, 1867: 10).

Аналогичные мысли развивал в своих работах и Дживонс. Причем если Уэвелль пришел к индуктивно-дедуктивной модели научного познания через изучение истории науки, а главным для него было создание истории естествознания, то Дживонс пришел к ней с теоретической стороны, разрабатывая эту модель как логик и методолог. При этом оба методолога четко сознавали, что процесс индуктивного движения мысли от частного к общему, от фактов к объясняющим их законам и теориям, не может быть и не является логически однозначным. С чисто логической точки зрения, подчеркивал Дживонс, возможно множество путей обобщения одних и тех же фактов и потому «всякое индуктивное заключение не более чем вероятно» (Дживонс, 1881а: XX). Конкретный способ обобщения во многом обусловлен содержанием обобщаемого, а потому «можно сомневаться, действительно ли можно составить ряд правил и принципов, которые могли бы служить для нас руководством при любом расположении аргументов. Каждое

специальное рассуждение должно состоять из аргументов, расположенных сообразно с особенной природой его предмета, и нельзя дать общих правил для разработки сюжетов, которые требуют бесконечного разнообразия в разработке» (Джевонс, 1881a: 219).

Хотя путь индуктивного восхождения от данных опыта к открытию объясняющего их закона не является логически однозначно детерминированным, это, по Джевонсу, отнюдь не означает, что он вообще не детерминирован, что не существует критерия отличия правильного индуктивного восхождения от неправильного восхождения. Такой критерий не только существует, но и является чисто логическим. И таким критерием является дедукция. Индуктивное восхождение правильно тогда и только тогда, когда из результата этого восхождения (закон, теория) чисто дедуктивно выводятся его основания (данные наблюдения и эксперимента). Раскрывая соотношение дедукции и индукции, Джевонс писал: «В дедукции мы имеем дело с развитием выводов из закона... Индукция же есть совершенно обратный процесс... Здесь даются известные результаты или последствия и требуется ... открыть общий закон, из которого они вытекают» (Джевонс, 1881a: 11). Индукция, в отличие от дедукции, «зависит в значительной степени от удачных догадок и предположений, что требует известной ловкости и искусной изобретательности» (Джевонс, 1881b: 221). Такое понимание индукции и дедукции позволило Джевонсу утверждать относительную самостоятельность, а вместе с тем и внутреннее единство этих методов в процессе научного познания. «Нельзя сказать, чтобы индуктивный процесс имел большую важность, чем дедуктивный. Каждый из них есть дополнение и параллель другого. И, действительно, индукция есть операция обратная относительно дедукции и не может быть представлена существующей без соответствующей ей операции, так что не может быть и вопроса об их относительной важности. Придет ли кому-нибудь в голову спрашивать, какое действие в арифметике важнее, сложение или вычитание?» (Джевонс, 1881a: 121).

Осознание в рамках индуктивно-дедуктивной модели неоднозначного характера индуктивного восхождения от опыта к теории с необходимостью вело к подчеркиванию важной роли гипотезы в научном познании, выступающей в качестве необходимого связующего звена между индукцией и дедукцией. Индуктивно-дедуктивный метод исследований, отмечал Джевонс, «состоит в предугадывании природы, в умении составлять гипотезы относительно законов и затем в наблюдении того, действительно ли комбинации явлений таковы, как это следовало ожидать на основании предполагаемых законов. Исследователь начинает фактами и заканчивает ими же. Он употребляет факты для того, чтобы составить вероятную гипотезу, а выводя другие факты, которые должны случаться, если данная гипотеза верна, он производит проверку верности своих взглядов посредством новых наблюдений» (Джевонс, 1881a: 476–477).

Первую формулировку индуктивно-дедуктивного метода Джевонс связывает с именем И. Ньютона и считает, что именно этот метод составляет подлинный Organon научного познания и лежит в основе всех великих триумфов научного исследования, начиная с Галилея и Джилиберта и кончая Фарадеем. По поводу миллевского понимания индукции как метода открытия и доказательства научных истин, Джевонс едко замечал, что ему не следовал никто из настоящих ученых (Джевонс, 1881a: 474–475). Джевонс не только считал «гипотетическое предугадывание» законов природы существенной частью метода научного исследования, но и утверждал, что все наше знание всегда лишь предположительно: «Теории — в сущности, сложные гипотезы, и их так и нужно называть» (Джевонс, 1881a: 301).

Из того, что все наше знание только предположительно, то есть не обладает статусом абсолютной достоверности, не следует, согласно Джевонсу, что все знание одинаково недостоверно. Есть более и менее достоверные предположения, а критерием их отличия должна выступать степень их вероятности на основе имеющихся эмпирических данных. Вслед за Лейбницем, Джевонс считает понятия «индукция» и «вероятность» органически связанными. С одной стороны, «всякое индуктивное заключение не более чем вероятно..., так что логическое достоинство всякого индуктивного результата определяется сознательно или бессознательно принципами обратного метода вероятности» (Джевонс, 1881a: XX), а с другой — сама вероятность трактуется Джевонсом как «всецело принадлежащая уму», как степень нашего знания того, что должно случиться. Считая все знание, основанное на опыте, только предположительным и рассматривая теорию вероятности как науку, дающую метод определения степени достоверности того или иного предположения на основе имеющихся

данных, Дживонс подчеркивал ее особое место среди других наук. «Эта теория представляется мне самым величественным созданием ума, и я решительно не могу понять, каким образом такие великие люди, как Огюст Конт и Д.С. Милль, могли так умалять ее значение и задавать праздный вопрос о ее действительности» (Дживонс, 1881а: 193). Итак, в индуктивно-дедуктивной концепции научного познания Ст. Дживонса индукции отводится роль не только метода открытия научных законов, но и метода их подтверждения.

Необходимо отметить, что подчеркивание Дживонсом органической взаимосвязи индукции и вероятности составляет, бесспорно, его важный вклад в разработку методологии науки. Многие идеи, высказанные им в этой связи, оказались созвучными современному обсуждению индуктивной проблематики. И все же на главный вопрос: возможно ли и если да, то каким образом возможно достижение в рамках науки необходимо-истинного и достоверного знания, его концепция ответа не давала. Это объясняется тем, что по своим гносеологическим установкам Дживонс также был последовательным эмпириком. С его точки зрения, «согласие с фактами есть единственный и достаточный критерий верной гипотезы» (Дживонс, 1881а: 477). Но, поскольку, подчеркивал Дживонс, согласие гипотезы с фактами никогда не может доказать ее истинность, постольку в рамках эмпиризма оставался один выход: признать принципиальный гипотетизм и релятивизм любых научных концепций.

Дело в том, что по самому смыслу вероятность, следовательно, и степень достоверности любого закона есть всегда характеристика относительная и в зависимости от посылок различная. Соответственно степень вероятности любого научного положения ничего не может говорить ни о ложности, ни об истинности этого положения. Каждому научному положению можно приписать любую степень вероятности в зависимости от выбранных данных в его пользу и ни одной оценке вероятности нельзя отдать предпочтения. Более того. Высказывание, имеющее высокую степень индуктивной вероятности, может оказаться ложным, а низкую степень вероятности – истинным. Предложение Дживонса, что, «формулируя всякий закон, мы должны прибавлять к нему цифру числа примеров, в которых по наблюдению он оказывался верным», будучи концентрированным выражением его концепции, конечно, выглядит несерьезно, ибо в реальной науке так никто не поступает. И, наконец, перед Дживонсом, как и перед всяким, кто признает индукцию в качестве фундаментального научного метода, во весь рост встает проблема обоснования индукции.

Можно ли и должно ли вообще полагаться на заключения индуктивных умозаключений? Дживонс положительно отвечал на этот вопрос, апеллируя в качестве обоснования к принципу единообразия природы, согласно которому в будущем в природе все будет идти так же, как и в настоящем. Но ведь сам этот принцип получен индуктивным путем и является не более как вероятным предположением. Следовательно, и в случае индукции, как обратной дедукции, юмовская ситуация логического круга оказалась налицо, а проблема обоснования истинности научного знания – неразрешимой.

Таким образом, ни в рамках всеиндуктивизма Гершеля–Милля, ни в рамках индуктивно-дедуктивной модели Уэвелля–Дживонса не удалось создать такой методологический синтез, в котором бы органически сочеталось признание опыта в качестве главного источника содержания естественнонаучного знания с доказательством возможности достижения наукой объективно истинного знания.

Несостоятельность как эмпирико-индуктивистской методологии науки первого позитивизма станет особенно очевидной при ее сравнении с реальным развитием науки во второй половине XIX века. Так, уже в первой половине XIX в. появилась серия новых геометрий, отличных от евклидовой (геометрии Лобачевского и Римана, общая риманова геометрия, проективная геометрия). Геометрические теории перестали ограничиваться описанием трехмерного пространства и стали осуществляться для любого числа измерений. Могли ли эти достижения быть правильно объяснены с позиций Гершеля и Милля? Как известно, эти авторы трактовали основные положения математики (ее аксиомы) как индуктивные генерализации эмпирических данных. «Нам остается рассмотреть, — писал Милль в «Системе логики», — на чем основана наша уверенность в аксиомах, на какие доказательства они опираются? Я утверждаю, что это — истины опытные, обобщения из наблюдения» (Милль, 1914: 207). Но, во-первых, с такой точки зрения исходные положения геометрии лишались необходимого характера. Во-вторых, многие геометрические

построения в то время вообще не имели эмпирической интерпретации (геометрии Лобачевского, Римана и др.). И, наконец, само возникновение новых геометрических теорий ясно показывало, что они появились не в результате индуктивного обобщения новых эмпирических данных, а в силу внутреннего развития самой геометрии. Как известно, главным фактором, приведшим к возникновению неевклидовых геометрий, явились попытки математиков решить проблему независимости пятого постулата (постулата о параллельных линиях) от остальных постулатов евклидовой геометрии.

Бурное развитие во второй половине XIX в. теоретического естествознания также говорило явно не в пользу эмпирико-индуктивистской методологии науки. Появление таких естественнонаучных теорий, как термодинамика, молекулярно-кинетическая теория газов, электродинамика, теория эволюции Ч. Дарвина, модели наследования Г. Менделя, показали огромную эвристическую роль теоретического знания, его относительную самостоятельность и несводимость к эмпирическому знанию, а также фундаментальную роль гипотезы как формы развития научных теорий. Эти факты вступали в резкое противоречие с утверждением Милля о том, что особой познавательной ценности теоретические понятия не имеют и служат лишь для сокращенной записи эмпирических данных.

Реальная история науки, практика научного исследования все больше убеждали ученых и методологов в том, что любая концепция научного познания не может считаться удовлетворительной, если не учитывает фундаментальной роли гипотезы в функционировании и развитии научного знания. Уже в XIX веке важнейшее значение метода гипотез в науке отмечали многие философы и ученые. Например, один из создателей философии диалектического материализма Ф. Энгельс в своей «Диалектике природы» специально подчеркивал, что «формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза» (Маркс, Энгельс: 555). Создатель теории электричества М. Фарадей также отмечал: «Свет мало знает о том, сколько мыслей и теорий, прошедших в уме научного исследователя, было подавлено в молчании и тайне его собственной критикой или проверкой противников; мало знает, что в примерах даже величайшего успеха не осуществлялось и десятой доли догадок, надежд, желаний и предварительных заключений» (Джевонс, 1881а: 260-261). Еще в более резкой форме подчеркивал роль гипотезы как формы существования научного знания создатель молекулярно-кинетической теории газов и основоположник статистической термодинамики Л. Больцман «...Наши теории никоим образом не построены из логически неопровержимых истин; напротив, они состоят из более или менее произвольных картин, рисующих связь явлений, именно — из так называемых гипотез... Это относится как к старым теориям, многие из которых в настоящее время являются спорными, так и к самым новейшим, жестоко ошибающимся, если они мнят себя свободными от всяких гипотез» (Больцман, 1970: 165). Позже эту мысль буквально повторит почти дословно другой выдающийся ученый конца XIX — начала XX века А. Пуанкаре, сравнивший историю науки с «кладбищем гипотез».

Обсуждение в методологии науки второй половины XIX в. вопроса о роли гипотезы в научном познании приобрело характер центральной методологической проблемы науки (Лебедев, 2013). Дело заключалось отнюдь не в том, чтобы констатировать, что в реальном процессе научного познания постоянно возникают гипотезы. Это было очевидным эмпирическим фактом, который не требовал доказательства. Проблема состояла в другом. Считать ли гипотезу случайной, временной, преходящей формой существования и развития научного знания, или необходимой, существенной и неустранимой? Очевидно, что принятие последней альтернативы было тождественно признанию принципиальной иллюзорности попыток индуктивистов построить логику открытия научных истин (Лебедев, 2014; Lebedev, 2016). Обсуждение вопроса о роли гипотезы в научном познании явилось своеобразной формой постановки более глубокой проблемы: насколько вообще состоятельно представление классической методологии о научном знании как о системе абсолютно-истинных и абсолютно доказанных положений. Речь шла о пересмотре господствовавшего на протяжении многих веков представления о методологических возможностях научного способа познания и выработке нового познавательного идеала науки. Как известно этот пересмотр по-настоящему начнется лишь с конца XIX века, будучи обусловлен научными революциями в развитии математики и физики, а его окончательное завершение произойдет

лишь к середине XX века (Лебедев, Коськов, 2014). Конечно, основатели позитивистской философии науки не могли предвидеть такой результат развития реальной науки и ее методологии. Они надеялись разработать методологию открытия и обоснования научного знания, методы доказательства истинности научных законов и теорий, полученных в ходе обобщения данных наблюдения и эксперимента. Они верили в то, что именно с помощью индуктивного метода наука может и должна получать доказательно-истинное знание о мире (Lebedev, 2016).

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта 16-23-01004"а(м)" РГНФ-БФФИ «Философско-методологические и естественнонаучные основания современных биологических и экологических концепций».

Литература

- Больцман, 1970 – *Больцман Л.* Статьи и речи. М., 1970.
 Бэкон, 1971 – *Бэкон Ф.* Соч. в 2-х томах. М.: 1971.
 Джевонс, 1881a – *Джевонс Ст.* Основы науки. Трактат о логике и научном методе. СПб, 1881.
 Джевонс, 1881b – *Джевонс Стенли.* Элементарный учебник логики. СПб, 1881.
 Зигварт, 1908 – *Зигварт Х.* Логика. Т.1, М., 1908. Т.2, М., 1909.
 Конт, 1971 – *Конт О.* Курс позитивной философии // Антология мировой философии. В 4 т. Т.3. М., 1971.
 Лебедев, 2013 – *Лебедев С.А.* Методология науки: Проблема индукции. М.: Альфа-М. 2013. 192 с.
 Лебедев, 2014 – *Лебедев С.А.* Философия научного познания: основные концепции. М.: Московский психолого-социальный университет. 2014. 272 с.
 Лебедев, Коськов, 2014 – *Лебедев С.А., Коськов С.Н.* Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая. М.: Академический проект. 2014. 295 с.
 Лейкфельд, 1896 – *Лейкфельд П.* Логическое учение об индукции в главнейшие исторические моменты его разработки. СПб. 1896.
 Маркс, Энгельс – *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е.
 Милль, 1869 – *Милль Д.С.* Обзор философии сэра Гамильтона и главных философских вопросов, обсуждаемых в его творениях. СПб, 1869.
 Милль, 1914 – *Милль Д.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914.
 Рутковский, 1956 – *Рутковский Л.В.* Критика методов индуктивного доказательства. В кн.: Избранные труды русских логиков XIX в. М., 1956.
 Уэвелль, 1867 – *Уэвелль В.* История индуктивных наук. Т.1. СПб, 1867.
 Чупров, 1959 – *Чупров А. И.* Очерки по теории статистики. М., 1959.
 Lebedev, 2016 – *Lebedev S.A.* History and philosophy of science: main stages and paradigmas // *European Journal of Philosophical Research.* 2016. Vol.6. Is. 2, pp. 77-90.

References

- Bekon, 1971 – *Bekon F.* (1971). Soch. v 2-kh tomakh [Soch. in 2 volumes]. M.
 Bol'tsman, 1970 – *Bol'tsman L.* (1970). Stat'i i rechi [Articles and speeches]. M.
 Chuprov, 1959 – *Chuprov A.I.* (1959). Ocherki po teorii statistiki [Essays on the theory of statistics]. M.
 Dzhevons, 1881a – *Dzhevons St.* (1881). Osnovy nauki. Traktat o logike i nauchnom metode [Fundamentals of science. A treatise on logic and the scientific method]. SPb.
 Dzhevons, 1881b – *Dzhevons Stenli* (1881). Elementarnyi uchebnik logiki [Elementary textbook of logic]. SPb.
 Kont, 1971 – *Kont O.* (1971). Kurs pozitivnoi filosofii [Course of positive philosophy]. Antologiya mirovoi filosofii. V 4 t. T.3. M.
 Lebedev, 2013 – *Lebedev S.A.* (2013). Metodologiya nauki: Problema induktsii [Methodology of science: The problem of induction]. M.: Al'fa-M. 192 p.
 Lebedev, 2014 – *Lebedev S.A.* (2014). Filosofiya nauchnogo poznaniya: osnovnye kontseptsii [Philosophy of scientific knowledge: basic concepts]. M.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi

universitet. 272 p.

[Lebedev, Kos'kov, 2014](#) – *Lebedev S.A., Kos'kov S.N.* (2014). Epistemologiya i filosofiya nauki: klassicheskaya i neklassicheskaya [Epistemology and philosophy of science: classical and non-classical]. M.: Akademicheskii proekt. 295 p.

[Leikfel'd, 1896](#) – *Leikfel'd P.* (1896). Logicheskoe uchenie ob induktsii v glavneishie istoricheskie momenty ego razrabotki [Logical doctrine of induction in the most important historical moments of its development]. SPb.

[Marks, Engel's](#) – *Marks K., Engel's F.* Soch. [Soch.], izd. 2-e.

[Mill', 1869](#) – *Mill' D.S.* (1869). Obzor filosofii sera Gamil'tona i glavnykh filosofskikh voprosov, obsuzhdaemykh v ego tvoreniyakh [Overview of the philosophy of Sir Hamilton and the main philosophical issues discussed in his works]. SPb.

[Mill', 1914](#) – *Mill' D.S.* (1914). Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi [The system of logic is syllogistic and inductive]. M.

[Rutkovskii, 1956](#) – *Rutkovskii L.V.* (1956). Kritika metodov induktivnogo dokazatel'stva. V kn.: Izbrannye trudy russkikh logikov XIX v. [Criticism of methods of inductive proof. In the book: Selected works of russian logicians of the XIX century]. M.

[Uevell', 1867](#) – *Uevell' V.* (1867). Istoriya induktivnykh nauk [The history of inductive science]. T.1. SPb.

[Zigvart, 1908](#) – *Zigvart Kh.* (1908). Logika [Logic]. T.1, M., 1908. T.2, M., 1909.

[Lebedev, 2016](#) – *Lebedev S.A.* (2016). History and philosophy of science: main stages and paradigmas. *European Journal of Philosophical Research*. Vol.6. Is. 2, pp. 77-90.

Проблема научного метода в первом позитивизме

Сергей Александрович Лебедев ^{a, *}

^a МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация

Аннотация. Позитивизм как особое направление философии науки возник в 1830-е годы. Его основателями были О. Конт, Г. Спенсер и Дж. Ст. Милль. Конт развивал общую концепцию природы научного знания, его отличия от всех других видов знания и, прежде всего, философского и религиозного. Спенсер – онтологию науки. Дж. Ст. Милль – логику и методологию науки. В целом методологическая программа первого позитивизма известна как «классический индуктивизм». Согласно индуктивизму основной задачей науки является открытие причинных законов и доказательство их истинности, а методом, который способен выполнить эту функцию, является индукция, но не перечислительная, а индукция через доказательство ложности всех конкурирующих предположений об истинном причинном законе, кроме одного. Методы элиминативной индукции были разработаны Дж.Ст. Миллем в его знаменитой работе «Система логики силлогистической и индуктивной». Милль полагал, что ему удалось построить индуктивную логику как логику открытия и обоснования причинных законов науки. Однако тщательный критический анализ познавательных возможностей индукции через элиминацию Дж. Ст. Милля, осуществленный уже его современниками (Ст. Джевонс, Л.В. Рутковский, В. Уэвелл и др.), показал необоснованность претензий Милля на создание логики открытия и доказательства научных законов. Было показано, что доказательные возможности индукции через элиминацию не превышают возможностей перечислительной индукции и что удел любой индукции – не доказательство, а в лучшем случае только подтверждение научных законов и вообще любых общих концепций и теорий. Методом же открытия общих научных гипотез является не индукция, а гипотеза на основе познавательного опыта и интуиции ученого. Это стало очевидным для многих ученых и философов науки уже к 70-м годам XIX века. Данный результат означал методологическую несостоятельность раннего («первого») позитивизма. Однако, отсюда еще не вытекала несостоятельность общих идей позитивизма:

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: saleb@rambler.ru (С.А. Лебедев)

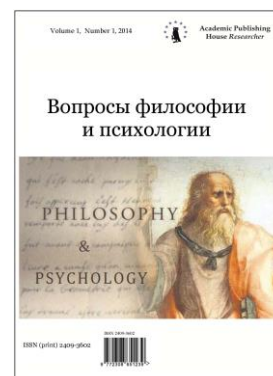
его трактовки научного знания как сугубо эмпирического знания по его содержанию и самодостаточности науки как особого способа познания реальности. В результате в ходе своей эволюции на смену первому позитивизму придет второй позитивизм, который откажется от методологии первого позитивизма, но сохранит верность всем общим идеям позитивизма. Основными вариантами второго позитивизма будут эмпириокритицизм Э. Маха и конвенционализм А. Пуанкаре.

Ключевые слова: позитивизм, первый позитивизм, индукция, элиминативная индукция, причинный закон, индуктивная логика.



Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2018, 5(1): 37-45

DOI: 10.13187/vfp.2018.1.37
www.ejournal20.com



Metaphysical Painting of Giorgio de Chirico and F. Nietzsche's Philosophy

Natalya N. Rostova ^{a, *}

^a Lomonosov Moscow state university, Russian Federation

Abstract

In article works of the Italian artist of the XX century Giorgio de Chirico are analyzed. According to the author of article, de Chirico treats a group of artists in the person of which art began to apply for thought. Addressing to concrete cloths of the artist and his manifestos, the author of article investigates the content of metaphysical painting and its communication with Nietzsche's ideas about the overman and eternal return. The author comes to a conclusion that in the first case de Chirico is the follower Nietzsche who before philosophers of the XX century addressed to idea of death of the person. And in the second case, contrary to the standard opinion, it is only conditionally connected with a nietzscheanism. The essence of the concept of eternal return is reduced to idea of equality various. Everything that is, will be that what it is because it doesn't move to any purpose and isn't set by sense. Works of the artist can be correlated only to idea of return to themselves which meets at Nietzsche. The world is a foreign land, and you in it are always abandoned. Loneliness – your house and your authenticity.

Keywords: G. de Chirico, metaphysical painting, modern art, art philosophy, eternal return, overman, idea of death of the person, sense, anthropology, person.

В XX веке с искусством начинают происходить странные метаморфозы. Покидая зону чистой эстетики, искусство начинает выходить за собственные пределы в область мысли. Оно начинает претендовать на философию и даже радикальное переустройство мира, ставя себя на место культа, то есть в основание культуры. Художники берутся за фундаментальные рассуждения и манифесты. Как пояснял Малевич, кистью нельзя достать того, что можно достать пером. Краски отброшены, ныне царствует мысль. Порою становится трудно ответить на вопрос, кто перед нами – художник или философ? Например, подобное смятение охватывает, когда смотришь на «Черный квадрат».

Итальянский художник Джорджо де Кирико относится к плеяде художников, в лице которых искусство стало искать себя в философии. Де Кирико в 1919 году пишет свой знаменитый манифест «Мы – метафизики», в котором утверждает за собой право открытия метафизической живописи. Метафизическая живопись, по мысли де Кирико, это та живопись, что преодолет философию, возьмет на себя ее бремя. Своими предшественниками в области мысли де Кирико называет Шопенгауэра и Ницше. В своих произведениях и интервью он многократно объявляет себя последователем Ницше и даже тем, кто перевел его философию в живопись. Среди искусствоведов также бытует мнение о том, что творчество де Кирико неотъемлемо от философии Ницше. Во многом

* Corresponding author
E-mail addresses: nnrostova@yandex.ru (N.N. Rostova)

причиной этому являются заявления самого де Кирико. Однако художник есть, прежде всего, художник. И то, что он говорит, может как совпадать, так и не совпадать с тем, что он делает. Исследование живописи де Кирико, ее аналитика в свете философии Ф.Ницше интересны не только с культурологической и историко-философской точек зрения, но, главным образом, с точки зрения философии и проблем современной культуры, ибо мы во многом являемся наследниками новых значений, привитых художниками и мыслителями прошлого века таким фундаментальным понятиям, как искусство, Бог, человек, смысл, свобода, мир, разум. Возможно, мы даже недостаточно современны по отношению к тем переменам, которые произошли в культуре 100 лет назад и создали метафизическую почву для дня сегодняшнего.

Де Кирико известен своими безлюдными пейзажами, тревожными сочетаниями цветов и изображениями персонажей-манекенов, кукол на шарнирах, лишенных лиц. В своем манифесте он пишет о том, что вслед за современными философами и поэтами он преодолел бесконечность и ему открылась бессмысленная красота материи. Так в чем состоит существо замысла де Кирико? Как он соотносится с философией Ницше и может пониматься в контексте современной культуры? Рассмотрим подробнее творчество де Кирико с точки зрения двух идей Ницше – идеи сверхчеловека и идеи вечного возвращения. Обе идеи отнюдь не являются локальными эпизодами в истории мысли, ибо философия Ницше претворяется в ницшеанство, которое начинает проникать в культуру. Первая идея напрямую связана с концепцией смерти человека, вторая – с концепцией бессмысленности, определяющими современное европейское сознание и через него проникающими в русскую культуру. Обратимся прежде к идее сверхчеловека, или иначе – идее преодоления человека Ницше, которую берет на свое художественное вооружение Джорджо де Кирико.

Человек после смерти Бога

Как возможно говорить о человеке после заявлений о смерти Бога? Мыслим ли феномен человека вне Бога? Когда есть Бог, тогда есть замысел о человеке, вечный образ, а значит, сущность или идентичность человека. Бог задает трансцендентную перспективу, в которой помещается свобода субъективности человека, делающая его неподвластной логике наличного мира. Бог как источник внутреннего запрета является основой порядка сознания, открывая возможность субъектности, плодотворной активности и решая проблему поведения.

Одну из самых мощных попыток говорить о человеке вне конституирующей роли Бога предпринял Кант. Он определил человека через произвол свободы, которая не детерминирована ни природой, ни Богом (Кант, 1999). Однако Кант не популярен в современной философии, жаждущей осязаемых прагматичных смыслов. Кант обосновал моральный поступок как тот, что лежит вне эмпирических детерминант. Однако свобода, постулируемая Кантом, столь же прозрачна, как и сами моральные основания поступков. Ведь на практике мы не отличим, какой поступок является легальным, то есть совершенным по закону, а какой моральным, то есть совершенным ради закона.

Можно попытаться найти иной язык для разговора о человеке, по ту сторону традиционной теологии и по ту сторону слишком возвышенного кантианства. Но что это будет за язык? Язык психологии, техники, нейрофизиологии, биотехнологии или, быть может, вовсе биологии и этологии? Но такие языки, объективирующие человека, лишаящие человека невозможного, ставят его в один ряд с элементами мира наличного. Человек опредмечивается, утрачивая свою специфику. Фуко, понимая это, прямо объявляет об открытии бессознательного как о смерти человека (Бадью, 1965). Превратившись в производное биологии и социума человек как феномен умирает.

Однако редукционистские попытки использовать новый язык для описания человека весьма актуальны в современной литературе. Например, по этому пути пошел Фрэнсис Фукуяма. Чувствуя зыбь антропологического и вместе с тем желая быть современным, то есть научно подкованным, он пожелал спасти человека, а вместе с тем его права и достоинства. Но чтобы спасти права и достоинства человека, прежде необходимо ответить на фундаментальный вопрос о том, что есть человек. Отказавшись от религии и метафизики свободы, Фукуяме ничего другого не остается, как искать биологический базис антропологического. Как говорит Фукуяма, сущность человека определяется биологией.

И культурой, добавляет он, мысля культуру как пространство реализации биологических детерминант, то есть, понимая связь биологии и культуры по аналогии с соотношением генотипа и фенотипа. Но биологическую уникальность человека невозможно зафиксировать, ведь если изначально говорить о языке, эмоции, морали на языке эволюции и находить для них адаптивную ценность, мы никогда принципиальным образом не отличим человека от животного. Понимая сущность человека как «видоспецифическое поведение», то есть, редуцируя человека к животному, Фукуяме ничего не остается, как говорить вместе тем и о правах животного. Вступив на столь скользкий путь, Фукуяме приходится задаться вопросом о том, до каких пор представления о правах мы будем распространять на животный мир? Когда нам следует остановиться? И что будет лежать в основе этой остановки? Не следует ли начать защищать права различных вирусов и бактерий? Отвечая на столь курьезные и закономерно возникающие в такой логике вопросы, Фукуяма принужден апеллировать к наличию нервной системы. Именно этот признак, влекущий возможность страданий, и является разграничителем в живом мире. У вирусов нет нервной системы, а значит права им не нужны. Фукуяма разрывается между чистой мистикой и биологией. В эволюционном процессе, говорит он, произошел «качественный скачок, превративший дочеловеческие предвестники языка, разума и эмоций в человеческое целое, которое не может быть объяснено суммой своих частей, и это остается по сути таинственным процессом» (Фукуяма, 2004: 251). Другими словами, человек остается предметом веры немногих.

Кого-то сегодня такое положение дел заставит объявить об антропологической катастрофе. Человек утрачивает свое человеческое. Объективирует необъективируемое, ибо у него исчезает мистериальное пространство, в котором он актуализировал свое неотмирное. О степени исчезновения этого пространства можно судить, например, по тому факту, что сегодня евангелическая церковь в Германии на выставке, посвященной 500-летию Реформации, представляет в качестве экспоната работа-священника, разъясняя, что главной задачей в данном случае является попытка спровоцировать дискуссию о том, может ли машина благословлять или нет. Под натиском технологических перемен и высоких скоростей жизни человек расстается со своей эмоциональностью, предаваясь в руки рассчитывающему интеллекту. Он перестает мыслить и начинает соображать. Отказывается от памяти, удерживающей сознание, и передает заботу о запоминании машине. Он не способен более найти адекватный язык для описания себя, что выражается в кризисе философии и чудовищных претензиях науки описать необъективируемое, свести тайну сознания к загадке мозга. Человеческое исчезает в человеке. Появляется антропология без человека по аналогии с тем, как возникает философия без философов или христианство без Христа. Такие настроения можно встретить скорее в отечественной культуре. Однако на Западе преобладают другие тенденции. Взаимосвязанные события смерти Бога и смерти человека мыслятся здесь с энтузиазмом. Человек умер, и это радостная весть, ибо она открывает невиданные доселе перспективы нового опыта и новой философии. Эту радость испытывают Фуко (Фуко, 1977), Делез (Делез, 1999), Агамбен (Агамбен, 2012) и другие философы.

Де Кирико, безжалостно расставаясь с бесконечным и потусторонним, также (и прежде философов XX века) заявляет о радости нового искусства. Крах смысла – это радостный апофеоз бессмыслицы, а преодоление человека – это радость открытия мира в его первозданности. Де Кирико возжелал увидеть нечеловеческий мир, мир вне человека, каким он был в третичный период истории земли. Он решил увидеть мир сам по себе, освободив его от урезонивающего взгляда человека, его логического и понятийного опосредования. Как говорит де Кирико, метафизический мир – это тот мир, который не существует для нас, он находится вне сферы наших знаний, а потому недоступен восприятию мозгом. Этот нечеловеческий радостный взгляд на безлюдный мир де Кирико назвал прозрением, отличив его от вдохновения, которое является благодатью Бога (Кирико, 2017: 320).

Но что мы видим на картинах де Кирико? Депрессию, жуть, некрофилию, манекены и куклы с зашитыми лицами. Здесь нет места радости и восторгу. Но лишь смакованию факта смерти. Картины де Кирико подобны надгробиям на могиле Человека. Все вычищено, выскоблено от присутствия человека. Пустота, как после Чернобыля. Антропоморфные

фигурки здесь лишь последние наблюдатели собственной смерти. Они вот-вот исчезнут, будут поглощены зловещим безлюдным пейзажем.

Почему здесь отсутствует заявленная радость? Потому что философия и искусство, прощающиеся с феноменом человек, равно как и с Богом, возвещают о новом опыте. Лишившись трансцендентной перспективы и второго плана, они ищут выход в телесности или в органике. Телесность у Сутина или Бэкона становится пространством реализации свободы от мира и предметности. Здесь художник обнаруживает нетождественность тела и организма, произвола и анатомической заданности. Тело становится единственным восхитительным хранилищем смыслов и возможностей творчества. Филонов идет к органике. Препарируя мир, как патологоанатом, он обнаруживает в нем скрытые соки и их динамику. Но куда в своих живописных экспериментах идет де Кирико? Не к телу как самодостаточной истине и не к органике. Тело и органику, равно как и Бога, в живописи де Кирико сместили предметы, и лишь их перемещениями остается играть художнику. Вместо одухотворенного человека, пластичной телесности или витального тела мы видим у де Кирико вещь. На место человека стала вещь – тряпичный манекен или каменная статуя. Де Кирико рисует медитацию без медитирующего («Медитация Меркурия», 1973). На его полотнах медитируют статуи, а не люди. Но статуя не может медитировать, ведь она есть то, что она есть. Де Кирико удваивает живописный оксюморон, замещая пустоту созерцания нагроможденными вещами. Меркурий обращен не к себе, но к предметам – разноцветным кубикам, узорчатым палочкам, подрамникам и прочим занятым вещицам. Это не «Христос в пустыне» Крамского. Это вещь, пределом которой является другая вещь.

Куклы де Кирико нарочито лишены лица («Археологи», 1917 и 1968). Почему? Потому что лицо – это метафизически тонкая оболочка человека, именно здесь просвечивается душа, дает о себе знать второй план. Лишая человека привилегии иметь второй план, де Кирико стирает вместе с тем и лицо человека. Только видимое, сугубо видимое – вот живописный девиз де Кирико. От человека осталось только то, что является тем, чем оно является, то есть следы, одежда, контуры. Нутро исчезло. Все вывернуто, а там внутри ничего нет. Там открывается то же, что и извне. Не душа, не эмоция, но перегруженные вещами ящики. Человек и вещь не отличимы. Археологические раскопки де Кирико в поисках человека не увенчались успехом. Человек умер. Осталась загадка без загадывающего, мысль без мыслящего. Де Кирико визуализирует реквием по человеку, впадая при этом в восторг: «Патетическая и лирическая сила манекенов де Кирико, – говорит он о себе в третьем лице, – особенно сидящих манекенов, например, в «Археологах», в том, что они далеки от людей» (Кирико, 2017: 334). Манекены – это не люди, это то, что далеко от людей и близко метафизическому миру. Превзойти человека, очистить мир от него, присвоив этому событию позитивный смысл, – в этом пафосе де Кирико является последователем идеи Ницше о смерти человека. Однако связь творчества де Кирико с идеей вечного возвращения не столь очевидна.

Идея вечного возвращения: де Кирико – Ницше в живописи?

На полотнах де Кирико мы видим и блудного сына, и Улисса. Однако мотив возвращения можно понимать по-разному. Блудный сын в христианстве – это вовсе не Сизиф в экзистенциализме Камю, а странствия Улисса – не то же, что идея вечного возвращения у Ницше. Почему? Потому что блудный сын – это символ покаяния, возвращения к первоистоку, истине, Отцу. Он возможен только тогда, когда есть Отец. То есть тогда, когда есть, к чему вернуться. Сизиф, вечно поднимающий камень в гору у Камю, – это символ абсурда, недоступности Абсолюта и Смысла. Смысл отныне – это не то, что есть и предшествует тебе, но то, что есть в той мере, в какой ты извлекаешь его. А потому из категории вечности он превращается в категорию процессуальности.

Что мы видим на полотне де Кирико «Возвращение блудного сына»? Возвращение? Нет. Возвращение, покаяние – это предоставление себя тому, что превышает тебя. Это отказ от субъектности, смещение своего «я» на периферию и открытие Бога как центра. Де Кирико рисует блудного сына как борца. Он стоит в надежной позиции нападающего, не предоставляя себя чему-то, не отказываясь от своего греха и самости, но, напротив, отталкивая от себя того, кто перед ним. Но кто перед ним? Отец? Нет. Перед ним соляной столп. Он не борется, но замер в позе объятий. Толкнуть его, и он упадет навзничь.

На полотне де Кирико нет ни Отца, ни блудного сына. Эта картина переворачивает смысл традиционной иконографии и апеллирующих к ней полотен классиков. Отца нет. Бог умер. Сын крушит последний идол. Но «сын» не человек, а кукла на шарнирах, марионетка, лишенная хозяина. Уповает ли эта марионетка на смысл в ситуации бессмыслицы, подобно Сизифу у Камю? Нет. Ибо уповать некому. Мир вещей исключает экзистенцию, сознание, в нем нет условий для дистанции от наличного, которая предоставляет возможность позиции вопрошающего. Мотив блудного сына у де Кирико – это реквием по Смыслу, равно как и по бессмыслице, понятой не как отсутствие смысла, но как его возможность и источник. Это надгробный памятник Смыслу.

В картине «Возвращение Улисса» де Кирико предлагает очередной визуальный оксюморон. Перед нами фигура, плывущая в лодке в мебелированной комнате. Очевидно, что море исключает комнату, а комната – море. Равно как древнегреческий хитон противостоит современному интерьеру, а картина на стене – пейзажу в окне. Но фигура плывет. Спрашивается – куда? В никуда. Она никогда не приплывет, ибо находится в ситуации невозможности. Одиссей Гомера (лат. Улисс) после долгих путешествий возвращался к своему царству и к своей жене, восстанавливал должные порядки. У него был дом. Улисс де Кирико не имеет самой возможности быть дома или возвращаться в него. Пространство дома здесь превращается в пространство метафизического и буквально физического тупика. Дома нет. Его никогда не было и не будет. Откуда взялся Одиссей и куда он плывет, ведь он стоит на месте. Нет не только дома, но и путешествия. Можно было бы предположить, что де Кирико противопоставляет Улисса и комнату наподобие того, как античная традиция противопоставляла душу и тело, нарекая тело темницей души. Но в картине де Кирико нет энергии сопротивления, борьбы или драмы. Улисс де Кирико весел и доволен в своем движении на месте. В своем неведении бессмыслицы происходящего. Имеет ли отношение данный сюжет де Кирико к идее вечного возвращения Ницше?

Но как в таком случае понимать идею вечного возвращения Ницше? Первый вопрос, возникающий здесь, это вопрос о том, к чему отнести слово «вечность» – вечно ли то, что возвращается, или же вечно само возвращение? Или, иначе – идет ли речь о том, что возвращается одно и то же, или же о том, что само возвращение одно и то же? М.Хайдеггер и Ж. Делез согласны в том, что верен второй вариант. Дело не в том, что все вещи повторяют себя, что близко античному пониманию мира, а в том, что бытие нужно мыслить как становление. Как говорит Делез, само возвращение едино, не бытие возвращается, но сам возврат образует бытие. Он пишет: «Каково бытие того, что становится, не начиная и не заканчивая становиться? Возвращение – вот бытие становящегося. «Сказать, что все возвращается, значит максимально приблизить мир становления и мир бытия: вершина созерцания»» (Делез, 2003: 118). Можно сказать иначе, мир – это не жесткая структура или неизменная субстанция, но то, что вечно творит себя и есть лишь в той мере, в какой совершается это непрестанное творение. Делезу такая логика позволяет ввести идею различия в противовес тождеству. Не одно и то же возвращается, но вечно различное, что дает возможность Делезу сравнить Ницше с Гераклитом, согласно которому все течет и в одну реку нельзя войти дважды. Хайдеггер рассуждает иначе. Его волнует Бог, который у Ницше умер и каким-то непостижимым образом оказался живым. В главе «Сущность религиозности» из работы «По ту сторону добра и зла» Ницше заговорит об «идеале веселейшего, полного жизни и мироутверждения человека, который не только научился мириться и ладить с тем, что было и есть, но хочет его повторения». Ницше называет этот «спектакль» перед «Тем, кому этот спектакль необходим» порочным кругом Бога (Хайдеггер, 2010: 124). Человек примирился с тем, что есть, и хочет его повторения. И этот спектакль есть порочный круг Бога. Хайдеггер, комментируя этот пассаж, уточняет – когда Ницше говорит о смерти Бога, он говорит о смерти «морального» Бога, о смерти Бога Личности, Бога Судии, Воздаятеля, Отца. Такой Бог умер, ибо не соотносится с представлением о божественном, а главное – с представлением о человеческом. Ибо что такое человек, если есть Бог так, как есть трава, деревья и реки? Что есть человек, если есть Бог как Отец? Личность? Судия? Хайдеггер пишет: «что осталось бы человеку еще создавать, как мог бы он быть человеком, если боги просто всегда бы существовали, всегда бы присутствовали? Как камни, деревья и реки? Да разве не должно Бога сперва создать, и не требуется ли величайшая сила, чтобы создавать что-то превыше себя, и разве не должно

прежде «пересоздать» человека – последнего, презренного человека? Разве не нужна человеку тяжесть, чтобы не относиться к своему Богу слишком легко? Отсюда мысль мыслей как величайшая тяжесть, *circulus vitiosus* – отсюда сам круг этот – *deus*? Вечное возвращение равного – тяжелейшая мысль, ее мыслитель должен быть героем познания и воли: для него неприемлемо, да он и не может объяснить себе мир и создание мира какой-либо формулой. «Вокруг героя все становится трагедией». И только в глубине этой трагедии рождается вопрос о Боге, вокруг которого все становится миром» (Хайдеггер, 2010: 126-127). Бог – это не данность, но вопрос о Боге. Вечный вопрос, не детерминированный ответом. Бог – творец человека, эта легкая мысль, ибо она не требует усилия человека. Здесь Бог – это данность, а человек – ее производное. Бог есть в той мере, в какой человек титаническими усилиями извлекает его. Это тяжелая мысль. Именно так, по мнению Хайдеггера, стоит понимать идею вечного возвращения. Как и у Делеза, у Хайдеггера речь идет о непрерывности, противостоящей статичности и чуждости.

Что же имел в виду Ницше и найдем ли мы следы его идеи у де Кирико? Должны ли мы мыслить идею вечного возвращения как мистику повторения событий? Или нам следует поверить комментариям Делеза и Хайдеггера? Ницше немногословен. Он рисует несколько взаимосвязанных образов. Рассуждая о вечном возвращении, о том, что «все уже было», и вещи связаны так прочно, что пройдут свой путь еще раз, повторятся сызнова, Заратустра вдруг слышит «крик» собаки, подобно тому, что слышал в детстве, и видит то, чего никогда не видел. Он видит человека, пастуха, в горло к которому заползла змея. Заратустра пытается ее вырвать из горла, но ему не удается, тогда он кричит: «Откуси ей голову!». Пастух откусывает голову и вскакивает на ноги. И тут происходит то, что изумляет Заратустру: «Ни пастуха, ни человека более – предо мной, – говорит он, – стоял преображенный, просветленный, который смеялся! Никогда еще на земле не смеялся человек так, как он смеялся! О братья мои, я слышал смех, который не был смехом человека, – и теперь пожирает меня жажда, тоска, которая никогда не стихнет во мне. Желание этого смеха пожирает меня: о, как вынесу я еще жизнь? И как вынес бы я теперь смерть!» (Ницше, 2006: 419). Отгадайте теперь загадку, продолжает Заратустра, кто был этот пастух, «кто же он, кто некогда еще должен прийти?», «Кто этот человек, которому все самое тяжелое, самое черное заползет в глотку?» (Ницше, 2006: 419). Заратустра проповедует вечное возвращение и видит призрак, он слышит то, что когда-то слышал, но видит то, чего никогда не видел. Был человек, стал просветленный. Корчился, и стал смеяться, как никто на земле. Кто это был и кто грядет? Что эта была за змея, которой откусили голову? Мудрость ли? Что значит «самое тяжелое» и «черное»?

В другом фрагменте Ницше дает ответ на загадку. Семь дней Заратустра болеет и наконец выздоравливает. «Чудовище» заползло ему в глотку и душило его, но он выплюнул его и выздоровел. Что же это было за чудовище? Чудовищем было «великое отвращением к человеку». Заратустра рассказывает о своей болезни: ««Вечно возвращается человек, от которого устал ты, маленький человек», – так зевала печаль моя, потягивалась и не могла заснуть... Слишком мал самый большой! – Это было отвращение мое к человеку! А вечное возвращение даже самого маленького человека! – Это было неприязнью моей ко всякому существованию! Ах, отвращение! отвращение! отвращение! – Так говорил Заратустра, вздыхая и дрожа, ибо он вспоминал о своей болезни» (Ницше, 2006: 470). Презрение к человеку, а еще точнее отвращение к существованию – вот, что душило его, вот, у чего он откусил голову. И отныне стал певцом вечного возвращения великого и малого. Его песнь теперь должна звучать так, как сообщают ему звери: «все вещи вечно возвращаются и мы сами вместе с ними... мы уже существовали бесконечное число раз и все вещи вместе с нами... существует великий год становления, чудовищно великий год: он должен, подобно песочным часам, вечно сызнова поворачиваться, чтобы течь сызнова и опять становиться пустым, – так что все эти годы похожи сами на себя, в большом и малом, – так что и мы сами, в каждый великий год, похожи сами на себя, в большом и малом... Души так же смертны, как и тела. Но связь причинности, в которую вплетен я, опять возвратится, – она опять создаст меня! Я сам принадлежу к причинам вечного возвращения. Я снова возвращусь с этим солнцем, с этой землею, с этим орлом, с этой змеею – не к новой жизни, не к лучшей жизни, не к жизни, похожей на прежнюю: – я буду вечно возвращаться к той же самой жизни, в большом и малом, чтобы снова учить о вечном возвращении всех вещей, –

чтобы повторять слово о великом полдне земли и человека, чтобы опять возвещать людям о сверхчеловеке» (Ницше, 2006: 471-472). Я люблю тебя, о Вечность, – многократно повторяет Заратустра. Змея убита, отныне вечность. Убито что? Презрение к существованию. Что значит презрение к существованию? Презрение к тому, что есть, ибо все, что есть, оценивается с позиции того, что должно быть. Ницше убивает змею должного, цели, Бога, времени. Мир Бога – это мир должного. Человек – это история, заданная эсхатологией, приведением существующего к должному, грешного, отстоящего от Бога – к тому, кто сочетает свою свободу с Его волей. Христианской идее образа и подобия Ницше противопоставляет идею того, что не имеет образа и подобия, начала и конца, замысла и телоса. Есть только то, что есть, и вечно пребудет. Не лучше и не хуже, ибо образца нет. Ницше в своем учении о вечном возвращении делает акцент не на мистике повторения, не на непрерывности усилий человека-творца или онтологии становления, а на идее равенства различного. Повторится и малое, и великое, все, что есть, будет таковым, какое оно есть, ибо оно не движется ни к какой цели, ни к какому смыслу, но пребывает в своей правде. Современные теологи будут уязвлять Ницше в том, что он попался в собственную ловушку, ибо, проповедуя смерть Бога, он сделал невозможным всякое абсолютное утверждение, всякий метанарратив. Но и сама идея смерти Бога не может быть абсолютной, а потому можно заявить о смерти смерти Бога. Но Ницше и сам, верно, понимал последствия своей идеи, ведь вечное возвращение не может сочетаться с идеей сверхчеловека и всякой идеей прогресса. Ницше представляет Заратустру, грезящего о сверхчеловеке, как того больного, что находится в плену идеи некоей эволюции, превосхождения человека самого себя, уничтожения малого. Но эта идея тираническая, ибо предлагает идеал, с которым все должно соизмеряться. Ницше заставил Заратустру откусить и выплюнуть голову змеи, отказаться от всякой идеи идеала, и тот стал нечеловечески весел.

Видим ли мы у де Кирико визуальные размышления о дежавю? Или же о непрерывности становления, которое противостоит статике? Или же о замещении принципа истории и конечной цели принципом круговращения, имеющего цель и правду в самом себе? Возвращаться, говорит Ницше, можно только к себе. Своему одиночеству. Оно – твоя отчизна и родина. Другие – это чужбина, там ты всегда будешь покинут. Когда ты одинок, ты у себя дома. Картину де Кирико «Возвращение Улисса» можно было бы понять именно в свете такого прочтения мотива возвращения – возвращения к себе, своему одиночеству как собственному дому. Улисс тогда был бы тем, кто вечно идет к себе, оставляя мир миру. Но что в таком случае означает ряд иных нарочитых противопоставлений в картине – древнегреческой культуры и современности, природного и искусственного?

В своем творчестве де Кирико проделал петлю. Начав с заявления о себе как о метафизике в живописи, он долгие, золотые годы своей жизни ходит по исхоженным тропам классической живописи и лишь в последнее десятилетие возвращается к тому, с чего начал, к тому, что сделало ему имя. Де Кирико возвращается к себе. Быть может, чтобы наконец понять себя как художника. Художникам-искателям себя он посвящает отдельный злорадный манифест, в котором высмеивает их попытки трюками заменить истинное художество. «Художники-искатели, – пишет он, – которые уже полвека пыhtят и суетятся, изобретая новые школы и подходы, обливаются потом из-за постоянных усилий выглядеть оригинальными и проявлять индивидуальность, прячутся, словно трусливые кролики, под покровом разнообразных трюков... сегодня, выставив вперед руки, словно они движутся в темноте, осторожно возвращаются к искусству, в котором меньше ненужных трюков... Это добрый знак... Больше всего при возвращении их пугает человеческая фигура: человек со своими канонами в очередной раз призраком встает перед человеком» (Кирико, 2017 295). Подобный жизненный путь в сочетании с такой рефлексией имеет отношение скорее к психоанализу Фрейда, нежели к философии Ницше.

Литература

- Агамбен, 2012 – Агамбен Д. Открытое. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
 Бадью, 1965 – Бадью А. Интервью с М. Фуко 1965 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (дата обращения: 21.04.18).

Делез, 1999 – Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого. Пятница, или Тихоокеанский лимб: Роман. Спб.: Амфора, 1999. С. 282-302.

Делез, 2003 – Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 392 с.

Кант, 1999 – Кант И. Критика практического разума. Основы метафизики нравственности. М.: Изд-во «Мысль», 1999. С. 247-459.

Кирико, 2017a – Кирико, Джорджо де. Возвращение к ремеслу. Метафизические прозрения. Treviso: Grafiche Antiga spa Crocetta del Montello, 2017. С. 295-301.

Кирико, 2017b – Кирико, Джорджо де. Размышления о современной живописи. Метафизические прозрения. Treviso: Grafiche Antiga spa Crocetta del Montello, 2017. С. 309-324.

Кирико, 2017c – Кирико, Джорджо де. Театр-зрелище. Метафизические прозрения. Treviso: Grafiche Antiga spa Crocetta del Montello, 2017. С. 329-336.

Ницше, 2006 – Ницше Ф. Так говорил Заратустра. По ту сторону добра и зла: Сочинения. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2006. С. 295-556.

Фуко, 1977 – Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. 487 с.

Фукуяма, 2004 – Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.

Хайдеггер, 2010 – Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении. Лекции о метафизике. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 57-156.

References

Agamben, 2012 – Agamben D. (2012). Otkrytoe [The Open]. M.: RGGU, 112 p.

Bad'yu, 1965 – Bad'yu A. (1965). Interv'yu s M. Fuko 1965 goda [Interview with M. Fuko in 1965]. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (data obrashcheniya: 21.04.18).

Delez, 1999 – Delez Zh. (1999). Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo. Pyatnitsa, ili Tikhookeanskii limb [Michel Thorneier and the world without the Other. Friday, or Pacific limb]: Roman. Spb.: Amfora, pp. 282-302.

Delez, 2003 – Delez Zh. (2003). Nitsshe i filosofiya [Nietzsche and philosophy]. M.: Ad Marginem, 392 p.

Fuko, 1977 – Fuko M. (1977). Slova i veshchi [Words and things]. M.: Progress, 487 p.

Fukuyama, 2004 – Fukuyama F. (2004). Nashe postchlovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii [Our posthuman future: the consequences of the biotechnological revolution]. M.: ООО «Izdatel'stvo AST»: ОАО «LYuKS», 349 p.

Kant, 1999 – Kant I. (1999). Kritika prakticheskogo razuma. Osnovy metafiziki nrvstvennosti [Critique of Practical Reason. Fundamentals of the metaphysics of morality]. M.: Izd-vo «Mysl'», pp. 247-459.

Khaidegger, 2010 – Khaidegger M. (2010). Metafizicheskaya kontseptsiya Nitsshe i ee rol' v evropeiskom myshlenii. Lektsii o metafizike [Nietzsche's metaphysical concept and its role in European thinking. Lectures on metaphysics]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 57-156.

Kiriko, 2017a – Kiriko, Dzhordzho de. (2017). Razmyshleniya o sovremennoi zhivopisi. Metafizicheskie prozreniya [Reflections on contemporary painting. Metaphysical insights]. Treviso: Grafiche Antiga spa Crocetta del Montello, pp. 309-324.

Kiriko, 2017b – Kiriko, Dzhordzho de. (2017). Teatr-zrelishe. Metafizicheskie prozreniya [Theater is a spectacle. Metaphysical insights]. Treviso: Grafiche Antiga spa Crocetta del Montello, pp. 329-336.

Kiriko, 2017c – Kiriko, Dzhordzho de. (2017). Vozvrashchenie k remeslu. Metafizicheskie prozreniya [Return to the craft. Metaphysical insights]. Treviso: Grafiche Antiga spa Crocetta del Montello, pp. 295-301.

Nitsshe, 2006 – Nitsshe F. (2006). Tak govoril Zaratustra. Po tu storonu dobra i zla: Sochineniya [So spoke Zarathustra. On the other side of good and evil]. M.: Izd-vo Eksmo; Khar'kov: Izd-vo Folio, pp. 295-556.

Метафизическая живопись Джорджо де Кирико и философия Ф. Ницше

Наталья Николаевна Ростова ^{а, *}

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется творчество итальянского художника XX века Джорджо де Кирико. По мнению автора статьи, де Кирико относится к той плеяде художников, в лице которых искусство стало претендовать на мысль. Обращаясь к конкретным полотнам художника и его манифестам, автор статьи исследует содержание метафизической живописи и ее связь с идеями Ницше о сверхчеловеке и вечном возвращении. Автор приходит к выводу о том, что в первом случае де Кирико является последователем Ницше, который раньше философов XX века обратился к идее смерти человека. А во втором случае, вопреки общепринятому мнению, он лишь условно связан с ницшеанством. Суть концепции вечного возвращения сводится к идее равенства различного. Все, что есть, будет таковым, какое оно есть, ибо оно не движется ни к какой цели и не задано смыслом. Произведения художника можно соотнести лишь с идеей возвращения к себе, которая встречается у Ницше. Мир – это чужбина, и ты в нем всегда покинут. Одиночество – твой дом и твоя подлинность.

Ключевые слова: Дж. де Кирико, метафизическая живопись, современное искусство, философия искусства, вечное возвращение, сверхчеловек, идея смерти человека, смысл, антропология, человек.

* Корреспондирующий автор

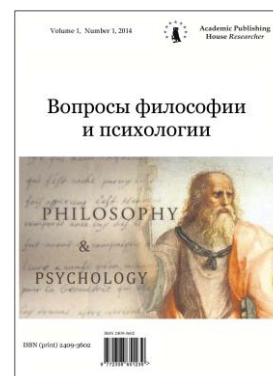
Адреса электронной почты: nnrostova@yandex.ru (Н.Н. Ростова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2018, 5(1): 46-50

DOI: 10.13187/vfp.2018.1.46
www.ejournal20.com



Psychological Characteristics of Pedagogical Activity of Scientists

Elena A. Volodarskaya ^{a, *}

^a Institute of the history of science and technology, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Abstract

The article reveals the scientist's competences necessary for pedagogical activity. The focus of attention is shifted to the ratio of the requirements for a successful teacher and the didactic potential of scientific activity. It is suggested that in the context of the integration of science and education, the research capital of a scientist is in demand in the educational space.

Appeal to pedagogical abilities, important for the success of the teacher, allows us to highlight some actual requirements for the scientist.

Firstly, they are communicative abilities, by which are meant the ability to communicate, the ability to find an approach to students, to build trustful dialogue. The problem of scientific communication is traditional for socio-psychological study. This implies the development of a communicative skill, the skills of persuasive impact, the resolution of conflicts within the negotiation process. These competences are mostly new to the traditional scientist.

Secondly, they are didactic abilities that make it possible to intelligently present the knowledge, stimulate interest in the subject, stimulate students' cognitive activity, the ability to organize students' independent work, and form their need for independent knowledge acquisition.

Our research shows that in a situation where it is necessary to obtain reliable information about science, respondents are more likely to trust a scientist who has his own experience of research than a journalist specializing in scientific journalism.

In this connection, the professionally important quality of the scientist becomes his ability to simply and clearly tell about the complex, adapt, but not to emasculate the essence of objective activity. It is important to be able to attract, interest the younger generation. It is important not only erudition and intelligence, but also enthusiasm, personal charisma, leadership qualities.

Thirdly, the academic pedagogical abilities of scientists, that is, the abilities for the corresponding field of science, the knowledge of the subject taught, not only in the volume of the training course, but much wider and deeper are the aspect of the necessary pedagogical competencies of scientists. Knowledge is updated very quickly. Modern education involves not memorizing a large body of facts, rules and formulas. After all, almost any information can be quickly and fairly fully received in the free Internet access. It is important to know what to look for, how to analyze, how to adapt the knowledge acquired in relation to a specific task, how to formulate your own opinion with a multiplicity of research approaches and theoretical positions.

* Corresponding author
E-mail addresses: eavolod@gmail.com (E.A. Volodarskaya)

In this case, the emphasis is necessarily shifted to the fundamentalization of the training of young graduates of universities. Fundamentalization of education is a new challenge and resource for the development of a knowledge-based society.

Fourthly, pedagogical abilities are related to the research orientation of the teacher, with his need and ability to conduct his own research work.

First, it is important to understand clearly the task posed, to describe the initial principles and rules, to build possible options for scientific research. A scientist with creative thinking can help students and students in clarifying the requirements that arise in front of them not only in the educational space, but also in the professional way as a whole.

Fifth, among the pedagogical abilities, the pedagogical imagination is distinguished, presupposing the ability to project and predict the development of the student's actions. The scientist is always focused on the future, his knowledge and in a certain part – the design, manifested in the good development of creative imagination, intuition. A substantial component of scientific activity is manifested in the study of what has not yet been. The development of imagination, anticipation, prediction is a very important characteristic of a modern specialist. The scientist can contribute to the development of this quality in the process of pedagogical interaction with students.

Characteristics of the current social situation are rapidity, multidimensionality, radical changes, the permanence of which sees the new reality of social relations. The ability to perceive changes not as a threat but as a source of personal development and the possibility of self-realization is an important competence that contributes to the continuation of social changes from the situation of increasing anxiety and stress. The scientist by the nature of his activity is aimed at finding a new, unexplored. Productivity and scientific effectiveness are determined by the skills and abilities to see the unusual in the familiar. In this regard, the presence of creative thinking will help to use it in the pedagogical process, as well as develop it in students.

It can be concluded that modern education and society as a whole formed a new request to science and scientists, consisting in the development of their respective pedagogical competences.

Keywords: pedagogical activity, competence, scientist.

Введение

Уровень экономического развития страны во многом зависит от уровня научного мировоззрения населения, его способности понимать, воспринимать научное знание, инновации. Это диктует все более высокий уровень образования, развития научного мышления и всесторонней интерпретации научного факта.

Формирование научного мировоззрения начинается в школе, причем в интересной и привлекательной форме. Современный учащийся должен представлять себе, что такое генная инженерия, парниковый эффект и т.д. Это знание поможет более четко сформулировать собственное отношение к исследованиям ученых. Иными словами, будучи феноменом культуры, наука усиливает свою роль в культурном развитии и образовании людей, воздействуя на весь учебно-воспитательный процесс, на содержание программ и планов, учебников, на технологии, формы и методы обучения.

Важно, чтобы учащиеся видели связь транслируемого содержания образовательных программ с актуальным состоянием науки и общества. Можно говорить о том, что имидж, прежде всего, фундаментальной науки способствует или препятствует фундаментализации современного образования, основу которого составляет глубокое изучение основных закономерностей природы и общества, позволяющих специалисту успешно освоить частные предметные области и решать конкретные задачи.

Одними из требуемых умений и знаний современного ученого выступают его педагогические компетенции, способствующие более активному вовлечению ученого в педагогический процесс.

Материалы и методы

Основными теоретико-методологическими положениями в данном исследовании выступили подходы отечественных и зарубежных исследователей к проблемам психологии науки, науковедческого анализа личности ученого и исследовательских групп, методологии компетентностного подхода.

Были использованы методы научного познания, обусловленные целью настоящего исследования, направленного на выделение новых компетенций отечественных ученых, обусловленных изменением содержания социокультурного контекста функционирования науки.

Результаты исследования

Важнейший аспект психологических особенностей личности ученого заключается в выделении его значимых компетенций, позволяющих ему быть успешным и конкурентоспособным в современной ситуации организации науки как на отечественном, так и мировом уровнях, не только обучать других людей, но и обучаться самому тем знаниям, умениям и навыкам, которые сегодня востребованы.

Обращение к педагогическим способностям, важным для успешности учителя, позволяет выделить некоторые актуальные требования для ученого (Крутецкий, 1972).

Во-первых, это коммуникативные способности, под которыми понимаются способности к общению, умение найти подход к учащимся, выстроить доверительный диалог. Проблематика научного общения является традиционной для социально-психологического изучения. Если ранее, начиная с работ Пельца и Эндрюса про ученых в организации, речь шла о межличностном общении с коллегами в рамках научного коллектива, то теперь акцент переносится на общение ученого не только с представителями других областей знания, но с неспециалистами, как заинтересованными в научном знании (наукоемкий бизнес), так и с представителями органов государственной власти, средств массовой информации, общественности (Пельц, Эндрюс, 1973).

Это предполагает развитие коммуникативных навыков, навыков убеждающего воздействия, разрешения конфликтов в рамках переговорного процесса. Данные компетенции являются по большей части новыми для традиционного ученого.

Во-вторых, это дидактические способности, позволяющие доходчиво преподнести знания, вызывать интерес к предмету, возбуждать у учащихся познавательную активность, способность организовывать самостоятельную работу учащихся и формировать у них потребность к самостоятельному получению знаний (Буланова-Топоркова, 2002).

В наших исследованиях показано, что в ситуации необходимости получения достоверной информации о науке респонденты в большей степени доверяют ученому, имеющему собственный опыт исследовательской деятельности нежели журналисту, специализирующемуся в научной публицистике.

В связи с этим профессионально важным качеством ученого становятся его умения просто и понятно рассказать о сложном, адаптировать, но не выхолостить суть предметной деятельности. Важно уметь увлечь, заинтересовать молодое поколение. Здесь важны не только эрудированность и уровень интеллекта, но и энтузиазм, личная харизма, лидерские качества.

В-третьих, аспектом необходимых педагогических компетенций ученых выступают академические способности, то есть способности к соответствующей области наук, знание преподаваемого предмета не только в объеме учебного курса, а значительно шире и глубже (Григорович, Марцинковская, 2009). Знания очень быстро обновляются. Современное образование предполагает не заучивание большого массива фактов, правил и формул. Ведь практически любую информацию можно быстро и достаточно в полном объеме получить в свободном доступе интернете. Важно знать, что именно искать, под каким углом зрения анализировать, каким образом адаптировать полученные знания применительно к конкретной задаче, как формулировать собственное мнение при множественности исследовательских подходов и теоретических позиций.

В этом случае акцент с необходимостью переносится на фундаментализацию подготовки молодых выпускников вузов. Фундаментализация образования – это новый вызов и ресурс развития общества, основанного на знаниях (Ёлгина, 2000).

В-четвертых, педагогические способности связаны с исследовательской направленностью педагога, с его потребностью и способностью к проведению собственной исследовательской работы (Лебедев, 2004).

В первую очередь, важно понятно объяснить поставленную задачу, описать исходные принципы и правила, выстроить возможные варианты научного поиска. Ученый,

обладающий креативным мышлением, способен помочь школьникам и студентам в прояснении требований, встающих перед ними не только в образовательном пространстве, но и в целом на профессиональном пути.

В-пятых, среди педагогических способностей выделяют педагогическое воображение, предполагающее умение проектировать и прогнозировать развитие действий учащегося (Зимняя, 2006). Ученый всегда нацелен на будущее, его познание и в определенной части – конструирование, проявляющееся в хорошем развитии творческого воображения, интуиции. Содержательный компонент научной деятельности проявляется в изучении того, что еще не было. Развитие воображения, предвосхищения, прогноза – очень важная характеристика современного специалиста. Именно ученый может способствовать развитию данного качества в процессе педагогического взаимодействия с учащимися.

Характеристиками современной социальной ситуации являются быстрота, многоаспектность, радикальность изменений, в постоянстве которых видится новая реальность общественных отношений. Умение воспринимать изменения не как угрозу, а источник развития личности и возможность самореализации – важная компетенция, способствующая выходу из ситуации повышения тревожности и стрессогенности постоянности социальных изменений. Ученый по роду своей деятельности нацелен на поиск нового, неизведанного. Продуктивность и научная результативность определяются умениями и способностями видеть необычное в привычном. В связи с этим, наличие творческого мышления поможет использовать его у педагогическом процессе, а также развивать его у учащихся.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что современное образование и общество в целом сформировало новый запрос в адрес науки и ученых, заключающийся в развитии у них соответствующих педагогических компетенций.

Обращение к педагогическим способностям, важным для успешности учителя, позволяет выделить некоторые актуальные требования для ученого. Это предполагает большую опору на фундаментальный характер подготовки учеников и фундаментальную науку как источник нового знания, понимания логики его движения.

Междисциплинарность современной науки требует ухода от узконаправленных специалистов к людям, обладающим знаниями и технологиями в разных сферах. И именно для решения этих задач важно привлекать ученых, способных развивать исследовательские умения и интерес у учащихся через их вовлечение в совместный исследовательский поиск.

Литература

Буланова–Топоркова, 2002 – Буланова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 544 с.

Григорович, Марцинковская, 2009 – Григорович Л.А., Марцинковская Т.Д. Педагогика и психология. М.: Гардарики, 2009. 480 с.

Ёлгина, 2000 – Ёлгина Л.С. Фундаментализация образования в контексте устойчивого развития общества. – Дисс канд. философ. н. Улан-Удэ, 2000, 154 с.

Зимняя, 2006 – Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // *Высшее образование сегодня*. 2006. № 4. С. 20-27.

Крутецкий, 1972 – Крутецкий В.В. Основы педагогической психологии. М.: Просвещение, 1972. 256 с.

Лебедев, 2004 – Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // *Школьные технологии*. 2004. № 5. С.3-1.

Пельц, Эндрюс, 1973 – Пельц Д., Эндрюс Ф. Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований в организациях. М.: Прогресс, 1973. 472 с.

References

Bulanova-Toporkova, 2002 – *Bulanova-Toporkova M.V. (2002). Pedagogika i psikhologiya vysshey shkoly [Pedagogy and psychology of higher education]. Rostov n/D: Feniks, 544 p.*

Grigorovich, Marcinkovskaya, 2009 – Grigorovich L.A., Martsinkovskaya T.D. (2009). Pedagogika i psikhologiya [Pedagogy and psychology]. M.: Gardariki, 480 p.

Krutetskiy, 1972 – Krutetskiy V.V. (1972). Osnovy pedagogicheskoy psikhologii [Fundamentals of pedagogical psychology]. M.: Prosveshcheniye, 256 p.

Lebedev, 2004 – Lebedev O.E. (2004). Kompetentnostni podhod v obrazovanii [Competence approach in the education]. *Schkol'nie tchnologii*. N. 5. pp. 1-3.

Pelts, Andrus, 1973 – Pelts P., Andrus F. (1973). Uchenie v organizatii. Ob optimal'nyh usloviyah dlya issledovaniya v organizatsiyah [Scientists in organizations. Optimal terms for research and development]. M.: Progress. 472 p.

Yolgina, 2000 – Yolgina L.S. (2000). Fundamentalizatsiya obrazovaniya v kontekste ustoychivogo razvitiya obshchestva [Fundamentalization of education in the context of sustainable development of society]. Diss.kand. filosof. n. Ulan-Ude, 154 p.

Zimnyaya, 2006 – Zimnyaya I.A. (2006). Kompetentnostnyy podkhod. Kakovo yego mesto v sisteme sovremennykh podkhodov k problemam obrazovaniya? (Teoretiko-metodologicheskii aspekt) [Competence approach. What is his place in the system of modern approaches to the problems of education? (Theoretical and Methodological Aspect)]. *Vyssheye obrazovaniye segodnya*. № 4. pp. 20-27.

Психологические характеристики педагогической деятельности ученого

Елена Александровна Володарская ^{a, *}

^a Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются компетенции ученого, необходимые для педагогической деятельности. Фокус внимания переносится на соотношение требований, предъявляемых к успешному учителю, и дидактического потенциала научной деятельности. Проводится мысль о том, что в условиях интеграции науки и образования исследовательский капитал ученого востребован в образовательном пространстве.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, компетенции, ученый.

* Корреспондирующий автор

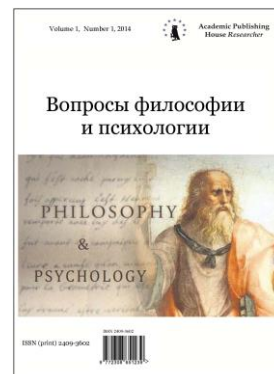
Адреса электронной почты: eavolod@gmail.com (Е.А. Володарская)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2018, 5(1): 51-56

DOI: 10.13187/vfp.2018.1.51
www.ejournal20.com



Reviews

S. Lebedev. Brief dictionary on the methodology of scientific knowledge: teaching and methodological manual. Moscow: MGTU N.E. Bauman. 2017. 99 p.

Nikolay N. Gubanov ^{a, *}, Nikolay I. Gubanov ^b

^a Moscow state technical university named after N.E. Bauman, Russian Federation

^b Tyumen state medical university, Russian Federation

Abstract

The subject of article is analyses of the structure and the concern of the book, which is the first of Russian philosophy dictionary for methodology of scientific cognition (Лебедев, 2017). The dictionary is written as the necessity adoption for the textbook “The course of lectures on the methodology of scientific knowledge” prof. S.A. Lebedev for magister of MGTU N.E. Bauman (Лебедев, 2016). The dictionary and the textbook словарь is the whole methodic complex of the new discipline for magister of all specialities. The main task of the dictionary is description in clear form concern of all categories methodology of scientific cognition, knowledge of which is the necessity factor for modern methodological culture for beginning scientists.

Keywords: methodology of scientific cognition, scientific method, categories of methodology of science, methodologic culture of scientist.

Введение

Автор рецензируемой книги является одним из ведущих отечественных специалистов области философии науки. В последние годы он уделяет особое внимание разработке методологии научного познания и вопросам преподавания этой дисциплины в вузах. В педагогической работе с аспирантами уже хорошо зарекомендовали себя его содержательные учебники по философии науки (Лебедев и др., 2010; Лебедев и др., 2005а; Лебедев и др., 2005b). Однако методология научного познания и как важнейшая составная часть философии науки, и как новая учебная дисциплина для магистров по-прежнему требует пристального внимания и философов и ученых к разработке ее содержания. Об этом убедительно говорят полки наших книжных магазинов, где литература по методологии науки практически отсутствует, особенно если речь идет об учебниках и учебных пособиях по данной дисциплине. В существующей литературе по методологии научного познания имеет место слишком большой разброс мнений не только в отношении познавательных возможностей различных методов научного познания, но и в решении ее главных проблем: понимании ее предмета, структуры, взаимосвязи между методами и уровнями и видами научного познания, соотношении методологического нормативизма и методологического плюрализма и творчества в реальном научном познании и др. (Лебедев, 2014; Лебедев,

* Corresponding author

E-mail addresses: gubanovnn@mail.ru (N.N. Gubanov), gubanov48@mail.ru (N.I. Gubanov)

2015). Отнюдь не последнюю роль в методологии научного знания играет не только определение ее содержательной проблематики, но и ее язык. Очевидно, что он должен быть не менее строгим, чем язык самих конкретных наук. И здесь первостепенное значение имеет ориентация современной методологии науки на реальную науку и ее историю, но и работу с языком методологии науки, с целью придания ее основным понятиям максимальной четкости и определенности. Решению последней проблемы и служит рецензируемая книга.

Основное содержание

Необходимость такого научного жанра, как словарь научных терминов, а также ее методологии, обусловлена следующей причиной. В учебниках и учебных пособиях, как правило, определения понятий специально не приводятся: их содержание часто раскрывается лишь контекстуально, и обучающиеся не всегда могут декодировать контекст и выработать их правильную общую дефиницию. Рецензируемый словарь даёт читателю возможность иметь достаточно чёткое представление о содержании понятий методологии научного познания. Мы считаем, что знакомство с ним, несомненно, поможет магистрам дисциплинировать свое мышление в этой области. Как справедливо по этому поводу писал Декарт: «Определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений».

Перейдем к конкретному анализу содержания рецензируемого словаря. В нем представлено 388 дефиниций основных понятий методологии научного познания, размещённых в алфавитном порядке. Знание их точного содержания, считает автор, помогает при изучении магистрами дисциплины «Методология научного познания» выработке у них следующих компетенций: 1) знания предмета и структуры современной методологии науки; 2) знания общей структуры научного познания и знания; 3) знание общенаучных методов познания; 4) знание методов различных уровней научного знания (Лебедев, 2017: 3).

Формирование у обучающихся первой компетенции (знание предмета и структуры современной методологии науки) предполагает освоение ими содержания более ста понятий. Так как объектом методологии науки является реальная наука и её историческое развитие, а предметом – средства получения, обоснования и применения научного знания, его различных видов и единиц, то важнейшими понятиями здесь выступают: *наука* (Лебедев, 2017: 57), *научная рациональность* (Лебедев, 2017: 57–58), *научное знание* (Лебедев, 2017: 59), *научное познание* (Лебедев, 2017: 61), *развитие науки* (Лебедев, 2017: 71–72), *развитие научного знания* (Лебедев, 2017: 72), *закономерности развития науки* (Лебедев, 2017: 14–15), *закономерности развития научного знания* (Лебедев, 2017: 15), *структура науки* (Лебедев, 2017: 77), *структура научного знания* (Лебедев, 2017: 77), *структура научной дисциплины* (Лебедев, 2017: 77–78), *уровни научного знания* (Лебедев, 2017: 82), *метод* (Лебедев, 2017: 43), *метод научный* (Лебедев, 2017: 46), *методологические основания науки* (Лебедев, 2017: 48), *методология науки* (Лебедев, 2017: 53), *методология научного познания* (Лебедев, 2017: 53) и др.

А поскольку современная методология науки имеет сложный системный характер и состоит из пяти основных разделов или частей (общенаучная методология, отраслевая методология, уровневая методология, дисциплинарная методология, историческая методология науки), то тут невозможно обойтись без таких понятий, как-то: *область науки* (Лебедев, 2017: 64), *общенаучное знание* (Лебедев, 2017: 65), *общенаучные методы* (Лебедев, 2017: 65), *методология дисциплинарная* (Лебедев, 2017: 50–51), *методология гуманитарных наук* (Лебедев, 2017: 50), *методология естествознания* (Лебедев, 2017: 51), *методология комплексных и междисциплинарных исследований* (Лебедев, 2017: 51–52), *методология математики* (Лебедев, 2017: 51), *методология социальных наук* (Лебедев, 2017: 53–54), *методология технонаук* (Лебедев, 2017: 54), *методы метатеоретического познания в науке* (Лебедев, 2017: 55), *методы теоретического познания в науке* (Лебедев, 2017: 55), *методы чувственного познания в науке* (Лебедев, 2017: 55), *методы эмпирического познания в науке* (Лебедев, 2017: 55), *методологические основания классической науки* (Лебедев, 2017: 47–48), *методологические основания неклассической науки* (Лебедев, 2017: 48–49), *методологические основания постнеклассической науки* (Лебедев, 2017: 49–50). В словаре читатель найдет четкое определение этих понятий и описание их содержания.

Следует отметить, что приведённые в пособии определения полностью соответствуют заявленному формату словаря – «краткий словарь»: они не перегружены избыточной для целей такого рода изданий информацией, а содержат только самые необходимые сведения, позволяющие читателю оперативно выяснить для себя смысл того или иного термина, не отрываясь надолго от основного источника. Однако там, где автор чувствует необходимость внести дополнительные разъяснения и акцентировать какие-то важные для раскрытия содержания понятия моменты, то он отступает от принципа предельной лаконичности. Например, определяя понятие науки, он в том числе пишет: «...Наука имеет социальный исторический характер, отражая особенности культуры своей эпохи. Основное культурное предназначение науки – объективная истина и практическая польза» (Лебедев, 2017: 57). На наш взгляд, колоссальный опыт преподавания методологии науки позволил С.А. Лебедеву достичь в данном словаре оптимального соотношения объёма дефиниции и содержащейся в ней минимальной необходимой полезной информации.

Ещё одна выгодная положительная особенность определений, приводимых в рецензируемом словаре – конкретность и чёткость формулировок, а также исчерпывающее перечисление признаков, составляющих основное содержание понятия и подвидов (разновидностей) определяемого феномена. Так, например, *научная рациональность* определяется, как «требования к свойствам научного знания: объектная предметность, однозначность, эмпирическая и теоретическая обоснованность, логическая доказательность, формулировка законов исследуемых объектов и систем, рефлексивность, методологичность, открытость к критике, возможность совершенствования, практическая польза» (Лебедев, 2017: 57–58). Однако эти общие требования научной рациональности при их применении к разным областям научного знания приводят к формированию различных видов научной рациональности, отражающих качественное различие содержания и предметов различных областей научного знания. Это такие различные виды научной рациональности как *естественнонаучная рациональность* (Лебедев, 2017: 13), *логико-математическая рациональность* (Лебедев, 2017: 39), *социально-гуманитарная рациональность* (Лебедев, 2017: 76), *техничко-технологическая рациональность* (Лебедев, 2017: 81).

Формирование у обучающихся второй компетенции «Знание общей структуры научного познания и научного знания» требует усвоения ими значений около 90 различных терминов. Это знание позволяет описать и проанализировать систему научного знания как множество взаимосвязанных между собой и различных по содержанию и форме элементов научного знания. В частности, С.А. Лебедев формулирует свою концепцию четырехуровневой структуры знания в любой из развитых наук науке, состоящей из четырех уровней (Lebedev, 2014). Это чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический уровни знания. Главными понятиями в учении об уровнях научного знания являются: *уровень научного знания* (Лебедев, 2017: 82), *чувственная научная реальность* (Лебедев, 2017: 87), *чувственное научное знание* (Лебедев, 2017: 88), *чувственный объект* (Лебедев, 2017: 88), *эмпирическая реальность в науке* (Лебедев, 2017: 90), *эмпирический объект* (Лебедев, 2017: 91), *эмпирическое научное знание* (Лебедев, 2017: 91), *теоретическая реальность* (Лебедев, 2017: 79), *теоретический объект* (Лебедев, 2017: 79–80), *теоретическое знание* (Лебедев, 2017: 80), *теория* (Лебедев, 2017: 81), *структура научной теории* (Лебедев, 2017: 78), *метатеоретическое научное знание* (Лебедев, 2017: 43), *метатеория* (Лебедев, 2017: 43), *общенаучное знание* (Лебедев, 2017: 65), *философские основания науки* (Лебедев, 2017: 84), *философские основания классической науки* (Лебедев, 2017: 83–84), *философские основания неклассической науки* (Лебедев, 2017: 84–85), *философские основания постнеклассической науки* (Лебедев, 2017: 85–86) и др.

Формирование у обучающихся третьей компетенции «Знание общенаучных методов познания» предполагает усвоение ими содержания около 80 понятий. Предметом блока общенаучной методологии являются общенаучные методы познания. Множество общенаучных методов образуют такие средства познавательной деятельности в науке, которые применяются во всех областях науки (естествознание, математика, социально-гуманитарные науки, технические науки). Главные понятия данного раздела: *научное наблюдение* (Лебедев, 2017: 59–60), *научное описание* (Лебедев, 2017: 61), *эксперимент научный* (Лебедев, 2017: 89), *анализ* (Лебедев, 2017: 4), *абстрагирование* (Лебедев, 2017: 4),

системный метод (Лебедев, 2017: 75), научное обоснование (Лебедев, 2017: 60), мысленный эксперимент (Лебедев, 2017: 56), моделирование научное (Лебедев, 2017: 56), объяснение научное (Лебедев, 2017: 66), диалектический метод (Лебедев, 2017: 12), идеализация (Лебедев, 2017: 16–17), индукция (Лебедев, 2017: 19), измерение (Лебедев, 2017: 18), интерпретация (Лебедев, 2017: 22), когнитивный консенсус (Лебедев, 2017: 30), критика научная (Лебедев, 2017: 33), конвенция научная (Лебедев, 2017: 34), конструктивно-генетический метод (Лебедев, 2017: 35–36), генетический метод (Лебедев, 2017: 8), гипотеза (Лебедев, 2017: 8), обобщение (Лебедев, 2017: 64–65), дедукция (Лебедев, 2017: 12), опровержение научное (Лебедев, 2017: 67), предсказание научное (Лебедев, 2017: 70), философское обоснование (Лебедев, 2017: 86) и др.

Определяя некоторые общенаучные методы, там, где для более полного понимания сути метода необходимы примеры из реальной истории науки, С.А. Лебедев их приводит. Так, объясняя конструктивно-генетический метод, он апеллирует к следующим примерам: «...Все числа натурального ряда строятся из единственного исходного объекта арифметики – единицы путём непрерывного добавления к ней всё новых и новых единиц, рациональные числа строятся из натуральных чисел, действительные числа из рациональных чисел, комплексные числа из натуральных и мнимых чисел и т.д. В теоретической механике такой её объект как математический маятник строится из более простых её теоретических объектов (материальной точки, подвешенной на вертикальной прямой и совершающий колебательные движения под действием упругой силы), в молекулярно-кинетической теории газ рассматривается как хаотическое движение и столкновение огромного количества материальных точек и т.д.» (Лебедев, 2017: 35).

Формирование у обучающихся четвертой компетенции «Знание общих методов различных уровней научного знания» достигается путём освоения ими значений около 100 различных терминов. Одной из важнейших причин гетерогенности методологического арсенала современной науки является такая её фундаментальная черта, как уровневая организация знания, которая получила четкое выражение в структуре знания всех развитых научных дисциплин в различных областях науки (физика, химия, биология, история, социология, психология и т.д.). В каждой такой дисциплине существует четыре уровня научного знания и познания: чувственный уровень (данные наблюдения и эксперимента), эмпирический уровень (установление фактов и эмпирических законов изучаемой предметной области), теоретический уровень (построение доказательных моделей эмпирического знания), метатеоретический уровень (обоснование методологической, практической и мировоззренческой ценности конкретных теорий). Каждый уровень научного знания имеет свою особую онтологию, своё специфическое содержание, которые не сводимы к содержанию и онтологии других уровней, а потому каждый из них имеет и свою особую методологию.

Одно из положений **урвневой методологии науки**, развиваемой автором словаря, состоит в следующем. Наряду с методами, используемыми на всех или на большинстве уровней научного познания (анализ, синтез, моделирование, сравнение и т.д.), в науке имеются методы, которые «привязаны» преимущественно к какому-то одному из уровней научного познания и знания: чувственному, эмпирическому, теоретическому или метатеоретическому (Лебедев и др., 2010). Знание содержания следующих основных понятий необходимо для освоения методов чувственного познания в науке: *чувственная научная реальность* (Лебедев, 2017: 87), *чувственный объект* (Лебедев, 2017: 88), *научное наблюдение* (Лебедев, 2017: 59), *прибор* (Лебедев, 2017: 70), *измерение* (Лебедев, 2017: 18), *эксперимент научный* (Лебедев, 2017: 89).

Следующие категории описывают методы эмпирического познания: *эмпирическая реальность в науке* (Лебедев, 2017: 90), *эмпирический анализ* (Лебедев, 2017: 90–91), *эмпирический закон* (Лебедев, 2017: 91), *эмпирический объект* (Лебедев, 2017: 91), *эмпирический синтез* (Лебедев, 2017: 91), *протокольные предложения* (Лебедев, 2017: 71), *научный факт* (Лебедев, 2017: 62), *феноменологическая теория* (Лебедев, 2017: 82), *абстрагирование* (Лебедев, 2017: 4), *абстрактный объект* (Лебедев, 2017: 4), *научное описание* (Лебедев, 2017: 6) *обобщение* (Лебедев, 2017: 64–65), *индукция* (Лебедев, 2017: 19), *индукция как обратная дедукция* (Лебедев, 2017: 19–20), *индукция перечислительная* (Лебедев, 2017: 20), *индукция элиминативная* (Лебедев, 2017: 21), *сравнение* (Лебедев,

2017: 76–77), классификация (Лебедев, 2017: 26), моделирование (Лебедев, 2017: 55–56), аналогия (Лебедев, 2017: 6), экстраполяция (Лебедев, 2017: 89–90), подтверждение эмпирическое (Лебедев, 2017: 68), индуктивная вероятность (Лебедев, 2017: 19), опровержение научное (Лебедев, 2017: 67).

Для успешного изучения методов теоретического познания необходимо знание содержания следующих понятий: теоретическое знание (Лебедев, 2017: 80), теоретический объект (Лебедев, 2017: 79–80), структура научной теории (Лебедев, 2017: 78), идеализация (Лебедев, 2017: 16–17), идеальный объект (Лебедев, 2017: 17), аксиоматический метод (Лебедев, 2017: 4), аксиомы (Лебедев, 2017: 4), метод итерации (Лебедев, 2017: 44–45), конструирование (мысленное) (Лебедев, 2017: 31), конструктивно-генетический метод (Лебедев, 2017: 35–36), конструктивное введение идеальных объектов (Лебедев, 2017: 36), гипотетико-дедуктивный метод (Лебедев, 2017: 8–9), метод восхождения от абстрактного к конкретному (Лебедев, 2017: 43), метод диалектический (Лебедев, 2017: 44), метод принципов (Лебедев, 2017: 47), дедуктивный метод (Лебедев, 2017: 12), мысленный эксперимент (Лебедев, 2017: 56), метод математической гипотезы (Лебедев, 2017: 45–46), метод симметрий (Лебедев, 2017: 47).

Методы метатеоретического уровня научного познания требуют знания следующего кластера понятий методологии науки: метатеоретическое научное знание (Лебедев, 2017: 43), метатеоретическое обоснование (Лебедев, 2017: 43), метатеория (Лебедев, 2017: 43), парадигма (Лебедев, 2017: 67), общенаучное знание (Лебедев, 2017: 65), идеалы и нормы научного исследования (Лебедев, 2017: 17), философские основания науки (Лебедев, 2017: 84), формализация знания (Лебедев, 2017: 86), методы метатеоретического познания в науке (Лебедев, 2017: 55), философское обоснование (Лебедев, 2017: 86), научное обоснование (Лебедев, 2017: 60–61), научная парадигма (Лебедев, 2017: 57), гносеологические основания науки (Лебедев, 2017: 9–10), гносеологические основания классической науки (Лебедев, 2017: 9), гносеологические основания неклассической науки (Лебедев, 2017: 10), гносеологические основания постнеклассической науки (Лебедев, 2017: 10–11).

В заключение рецензии приведём слова автора из Предисловия о практическом значении изучения «Методологии научного познания»: «Основная практическая цель изучения данной дисциплины заключается в формировании у будущих учёных и инженеров современной научной культуры» (Лебедев, 2017: 3). Нам представляется, что рецензируемый словарь вполне способствует достижению обозначенной выше цели.

Литература

- Лебедев и др., 2005a – Лебедев С.А. и др. Основы философии науки. Учебное пособие. М.: Академический проект. 2005.
- Лебедев и др., 2005b – Лебедев С.А. и др. Введение в историю и философию науки. М.: Академический проект. 2005.
- Лебедев и др., 2010 – Лебедев С.А. и др. Философия науки. Общий курс. Учебное пособие. М.: Академический проект. 2010.
- Лебедев, 2014 – Лебедев С.А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. 2014. №1. С. 72–82.
- Лебедев, 2015 – Лебедев С.А. Методология научного познания. Монография. М.: Проспект. 2015.
- Лебедев, 2016 – Лебедев С.А. Курс лекций по методологии научного познания. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2016.
- Лебедев, 2017 – Лебедев С.А. Краткий словарь по методологии научного познания. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2017.
- Лебедев, Кудрявцев, 2005 – Лебедев С.А., Кудрявцев И.К. Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2005. № 6. С. 1–20.
- Lebedev, 2014 – Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // *European Journal of Philosophical Research*. 2014. № 1(1). pp. 65–72.

References

- [Lebedev i dr., 2005a](#) – *Lebedev S.A. i dr.* (2005). Osnovy filosofii nauki [Fundamentals of the philosophy of science]. Uchebnoe posobie. M.: Akademicheskii proekt.
- [Lebedev i dr., 2005b](#) – *Lebedev S.A. i dr.* (2005). Vvedenie v istoriyu i filosofiyu nauki [Introduction to history and philosophy of science]. M.: Akademicheskii proekt.
- [Lebedev i dr., 2010](#) – *Lebedev S.A. i dr.* (2010). Filosofiya nauki. Obshchii kurs [Philosophy of Science. General course]. Uchebnoe posobie. M.: Akademicheskii proekt.
- [Lebedev, 2014](#) – *Lebedev S.A.* (2014). Osnovnye paradigmy epistemologii i filosofii nauki [The basic paradigms of epistemology and philosophy of science]. *Voprosy filosofii*. №1. pp. 72-82.
- [Lebedev, 2015](#) – *Lebedev S.A.* (2015). Metodologiya nauchnogo poznaniya [Methodology of scientific knowledge.]. Monografiya. M.: Prospekt.
- [Lebedev, 2016](#) – *Lebedev S.A.* (2016). Kurs lektsii po metodologii nauchnogo poznaniya [The course of lectures on the methodology of scientific knowledge]. M.: Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Baumana.
- [Lebedev, 2017](#) – *Lebedev S.A.* (2017). Kratkii slovar' po metodologii nauchnogo poznaniya [A short dictionary on the methodology of scientific knowledge]. M.: Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Baumana.
- [Lebedev, Kudryavtsev, 2005](#) – *Lebedev S.A., Kudryavtsev I.K.* (2005). Determinizm i indeterminizm v razvitiie estestvoznaniya [Determinism and indeterminism in the development of natural science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. № 6. pp. 1-20.
- [Lebedev, 2014](#) – *Lebedev S.A.* (2014). Methodology of science and scientific knowledge levels. *European Journal of Philosophical Research*. № 1(1). pp. 65-72.

Рецензии

С.А. Лебедев. Краткий словарь по методологии научного познания: учебно-методическое пособие. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2017. 99 с.

Николай Николаевич Губанов ^{a, *}, Николай Иванович Губанов ^b

^a Тюменский государственный медицинский университет, Российская Федерация

^b Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация

Аннотация. Предмет рецензии – анализ структуры и содержания первого в отечественной литературе специального словаря по методологии научного познания ([Лебедев, 2017](#)). Словарь написан как необходимое дополнение к учебнику «Курс лекций по методологии научного познания» ([Лебедев, 2016](#)), читаемого проф. С.А. Лебедевым студентам МГТУ им. Н.Э. Баумана. Вместе словарь и учебник образуют единый учебно-методический комплекс преподавания новой дисциплины магистрам всех специальностей. Основная цель словаря – изложение в ясной и доступной форме содержание всех основных категорий методологии научного познания науки, владение которыми является необходимым условием формирования у начинающего ученого современной методологической культуры.

Ключевые слова: методология научного познания, научный метод, категории методологии науки, методологическая культура ученого.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gubanovnn@mail.ru (Н.Н. Губанов), gubanov48@mail.ru (Н.И. Губанов)